

ОЛЬГА ЛИ

ДРАКОН ЖЕЛАЕТ
НЕЛЮБИМУЮ
ЖЕНУ

Ольга Ли

Дракон желает нелюбимую жену!

<https://litres.ru/74206702>

Аннотация

♥#НОВИНКА

Очнуться в теле презируемой жены драконьего лорда – дар или проклятье? Первое, что я услышала в новом мире, были его стоны... и предательский смех той, кого называла подругой. Я умерла однажды, но очнулась в облинии леди Элисары, лишённой магии и уважения. Муж-дракон ненавидит меня, мечтает избавиться, но не подозревает: я больше не влюблённая дурочка. Унижений не потерплю, а проверну сделку и изменю всё.

Но чем холоднее я, тем горячее слова изменника и сильнее интерес в драконьих глазах. Однако поздно, милый, я уже видела дно предательства, и второго падения не будет.

Одна беда — новое опасное чувство обжигает душу, и оно уже моё...

— Элисара, давай не будем притворяться, что всё хорошо. Мне всё равно, что там к ужину, завтраку, обеду... Из уважения к твоей семье и дружбе наших отцов я больше не хочу этого фарса.

— Фарса? — её голос дрожит, она догадывается, о чём пойдёт речь, и всё же надеется, что ошибается.

Но нет. Он бросает на стол лощённый банковский пергамент: — Я не буду это больше обсуждать, Элисара. Двадцать тысяч золотых дублонов. Моя свобода от тебя. Подписывай.

Губы задрожали, глаза наполнились предательской влагой. Слеза скатилась по щеке — одна, единственная, но вместившая в себе всю боль отверженной женщины.

— Я не хочу свободы, — прошептала она, и голос сорвался на надтреснутой, искренней ноте.

— Я люблю тебя, хочу от тебя детей, я твоя жена.

Он засмеялся.

Однотомник, история из литмоба НЕЛЮБИМАЯ ЖЕНА ДРАКОНА,

Содержание

Глава 1. Чужие шелка, чужие измены	5
Пара года	15
Глава 2. Прежняя жизнь	16
Элисара	34
Глава 3. Я согласна!	35
Глава 4. "Любимая дочь"	46
Глава 5. Омрачённая радость	60
Глава 6. Предательница	75
Глава 7. Опасная дорога	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Чужие шелка, чужие измены

Лиза

Сладкий запах чужих духов и характерные стоны «Да, Миша, да» доносятся из кабинета мужа. Всё, как я и подождала. Собираюсь с силами и резко открываю дверь в наш кабинет.

Фигуристая рыжая девица сидит на краю стола в чём мать родила, пока тот, с кем я прожила десять лет брака и два неудачных эо, вколачивается в податливое молодое тело.

— Какая избитая история, — усмехаюсь я, — профессор и студентка!

Полуголый муж издаёт нервный смешок, пытается развернуться, что-то бормочет.

Резко прерываю ничего не значащие оправдания:

— Мудак, ты дорого заплатишь! Я оставлю тебя без карьеры, без уважения, без имущества! — разворачиваюсь в сторону лестницы, чтобы сегодня же сообщить юристу о том, что развожусь.

От адреналина шарашит давление, но я держусь, просто иду медленнее. А у самой лестницы сквозь шум в ушах слышу злой и колючий голос благоверного:

— Как бы не так, стерва! Гори в аду, я всё это заслужил,

ты не отберёшь!

И он толкает меня в спину.

Боль, удар... Я кубарем лечу вниз по плиточным ступенькам загородного дома, а потом... непроглядная тьма.

Вздрагиваю, просыпаясь от кошмара. Чувствую, как что-то непривычно мягкое укутывает моё тело, по коже скользит прохладный шелковистый материал, а не грубое хэбэ, которое так любит муж-аллергик. Вдыхаю воздух, густой от запаха благовоний, и понимаю: это не запах моего дома.

С усилием открываю тяжёлые веки, над головой бордовый бархат балдахина кровати, он давит на меня непривычной тяжёлой обстановкой какого-то средневековья. Медленно сажусь, и комната плывёт перед глазами, наконец различаю резную тёмную мебель, массивный сундук, канделябры с какими-то странными мерцающими огоньками, горящий камин...

«Где я? Почему не дома... Что случилось?»

Поднимаю руки, паника сжимает горло: слишком бледные, слишком изящные, с длинными ухоженными ногтями, тонкими запястьями... Это не мои руки, что в пятнах от гормонального сбоя, мазни ручки после правки собственной статьи и остатками чёрного гель-лака.

Руки какой-то утончённой леди — вот что я вижу вместо обычной картины.

«Что за?..» — до меня доносятся звуки, приглушенные, но от этого не менее откровенные: так занимаются сексом и,

судя по всему, весьма страстным. Хриплое, прерывистое дыхание мужчины, стоны женщины, влажный ритмичный стук, от которого по спине бегут мурашки. Этот звук... он сводит с ума, напоминает об отвратительном сне, точно так же стояла та проклятая девка в кабинете с Мишей.

Ноги не слушаются, ночной кошмар и явь в голове перепутаны, я будто в фантастическом фильме с Ди Каприо и у меня сон во сне. Щипаю себя за руку и не просыпаюсь, хоть и чувствую боль.

Какого-то дьявола встаю и иду вперёд, к тёмному пятну двери. Сердце колотится где-то в горле: «Проснись-проснись-проснись!» В теле ужасная слабость, и мне бы полежать, но ноги кажутся чужими, не слушаются и идут сами.

Дверь оказывается очень тяжёлой.

«Наверное, дубовая, — отстранённо подмечаю я, — точно не как дома». А ещё петли смазаны на совесть — ни малейшего скрипа. В щель размером с ладонь я вижу такое, что дыхание перехватывает.

В центре очередной бордовой средневековой спальни, спиной ко мне, стоит темноволосый мужчина, и его фигура мог бы позавидовать любой спортсмен: при каждом движении накачанные мышцы играют, ходят ходуном, а задница — просто предел мечтаний. Её, кстати, видно отлично, потому что мужчина гол по пояс, тонкие штаны приспущены, и его упругие бёдра двигаются с неумолимой животной мощью сильного самца.

Под ним дикой кошкой выгибается и сладко стонет женщина. Её длинные тёмные волосы растрёпаны, бархатное платье с многочисленными юбками задрано до пояса, обнажая длинные ноги в чулках.

— Да, Морриан, да! — её голос полон страсти и пронзает меня насквозь. — О, как хорошо! Да!

А я не могу пошевелиться, прилипла намертво к дверной щели, заморожённая этой грубой животной сценой. Непри-
сущий мне стыд и какое-то тёмное, запретное любопытство парализуют, заставляют смотреть и... испытывать непонятную боль в груди.

Они замирают в кульминации, женщина вскрикивает, мужчина почти рычит, а потом в комнате повисает только тяжёлое дыхание. Темноволосая красotka поправляет платье, неспешно опускает подол. Мужчина поворачивается, и я вижу его профиль — гордый, резкий, невероятно красивый. Он закуривает что-то похожее на толстую сигару, и пряный дымок заполняет пространство.

— Ты уверена, что не переборщила со снотворным? Мне показалось, что она едва дышит, — его голос низкий, бархатный. Сердце почему-то подпрыгивает и начинает бешено колотиться.

Брюнетка фыркает:

— Я знаю дозировку, милый, не в первый раз! Не переживай, она просто не проснётся до полудня, у нас впереди много времени для ласк! — она многозначительно улыбает-

ся. — Но Мориан, неужели её смерть тебе не на руку? Ведь тогда не нужно будет разводиться, а я так устала прятаться, хочу официально стать госпожой Кейнас...

— Ты знаешь, что я на это не пойду. Я давал слово, что буду защищать и оберегать её, перед ликом Великого Дракона! — металл в голосе становится опасным, скрежещет. — Хотя я и не люблю Элисару, но на убийство не пойду, и никому не дам этого сделать!

Девушка, чьё лицо кажется знакомым меняет тактику:

— Я просто фантазирую... Конечно, нет, ты до такого не опустишься, мой дракон! Просто... разведись с ней, ведь у бесплодной пустышки без магии нет ни прав, ни твоей любви! Только лишь показная скромность, имя рода, вышивки, да глупые стихи о любви к тебе.

Меня снова пронзает чужая боль, да так, что дышать не могу, требуется неимоверное усилие, чтобы заставить тело выполнять такую простую задачу.

— Ты ведь её никогда не любил и мечтаешь только об одном: чтобы бесполезная драконесса без магии и драконицы оказалась подальше! Ни в свет с ней не выйти, ни сыновьями похвастать... Даже ребёнка тебе родить не смогла, какой вообще от неё прок?

— Всегда удивлялся вашей женской дружбе, — усмехается красавчик и тушит окурок.

Девушка вспыхивает и поджигает губы.

— Подожди, Касси, — он проводит пальцем по её шее,

— остался год, и тогда я официально смогу расторгнуть этот фарс под названием брак, в котором так и не родилось детей. Ты же знаешь, разводиться сама Элисара не хочет, придумала себе любовь, даже отказалась от отступных, что я ей предлагал.

— А любишь ты меня! — улыбается та в ответ. — Хоть у нас и нет меток истинности, но и у вас их нет.

— Никакой истинности между нами с ней нет, — мужчина морщится, как от зубной боли, и в сердце словно прокручивают нож — так мне больно. — Мы принесли брачные клятвы, просто потому что отец повёлся на видение какой-то неведьмы-шарлатанки, которой помог в Дикой пустоши.

Красавчик отворачивается и наливает себе янтарной жидкости в пузатый хрустальный стакан.

— Это договорной брак между нашими семьями! — делает глоток, в голосе неприкрытая злость: — Просто выгода и ничего больше, особенно для семьи Диташ — получить Синие копи в обмен на бесполезную дочь без магии.

— Серьёзно? Просто потому что какая-то непонятная ведьма увидела, что Элисара твоя истинная?

— Да, — тёмные брови сходятся на переносице, мужчина явно злится, — только вот, кроме неё, этого никто не увидел: мы вместе уже три года, а меток нет и в помине, как и магии, как и детей.

— Всё так, — руки змеи обвиваются вокруг мускулистых плеч, — осталось немного и ты избавишься от неё!

— Да, я сдержу своё обещание, скреплённое магической печатью, продержусь четыре года, а потом... пусть катится ко всем нечистым! Браки без детей и без метки расторгают... Вон Алистер развёлся, наконец, счастлив...

Его слова обжигают, но не так сильно, как нахлынувшие воспоминания о безобразных сценах, когда хозяйка тела буквально умоляла его о любви. А ещё лицо... Я знаю эту девушку, и это имя кажется знакомым. Касси...

Ну конечно!

Меня обдаёт горечью предательства: это ведь моя подруга, та самая, которая пила со мной вино и выслушивала, как плачу, что Мориан меня не любит, как несчастна в этом браке, как все мои надежды зачать дитя и стать хоть кем-то для мужа тают с каждым циклом, коих было много за три года несчастливого договорного брака.

И не абы с кем, а с пятым генерал-драконом Дурана Морианом Кейнасом!

От наплыва чужих чувств и воспоминаний я непроизвольно отшатываюсь и прижимаюсь к стене. Неподъёмный груз не моих несчастий и болезненных унижительных воспоминаний давит так, что в висках стучит.

Медленно, стараясь не шуметь ковыляю к большому зеркалу в резной раме, что заметила в комнате, где очнулась. Я должна посмотреть, должна убедиться.

Едва увидев своё отражение, зажимаю рот, чтобы не закричать.

Из зеркала на меня смотрит незнакомка: бледная, с глубокими тенями под огромными несчастными глазами цвета весеннего неба, чуть розоватыми губами, а длинные светлые волосы, очевидно, бывшие вчера какой-то замысловатой причёской беспорядочно разметались по хрупким плечам. Девушка, конечно, недурна, даже красива, но это изящное, хрупкое лицо с нежной кожей — не моё. И стройное тело в средневековой голубой ночной рубашке — не моё.

«Твою мать, Лиза! Как это могло произойти?»

Я падаю на мягкую кровать и, уставившись невидящим взглядом в бордовый бархат балдахина, пытаюсь привести мысли в порядок.

Во-первых, я больше не Елизавета Богачёва, не журналист региональной газеты, освещающий всё, что только может произойти в нашей провинции, и мечтающий перебраться в столицу, а знатная замужняя дама в стране под названием Дуран. Эта девица, что стонала под красавчиком, Кассия, теперь моя лучшая подруга и, судя по всему, она отпетая лгунья и предательница.

Потому что этот brutальный Морриан, который с таким наслаждением предавался с ней плотским утехам, попутно философствуя об истинности и разводе, — мой муж, и ему так же наплевать на меня, как дорогому профессору Мишеньке. Хотя нет, всё ещё хуже: Миша меня хотя бы любил когда-то, а Элисара никогда в жизни не знала, что такое, когда её любит мужчина.

«Хоть любовь моего настоящего мужа в прежнем мире и закончилась давным-давно... — не могу сдержать грустно-го вздоха, — потому что тот, кто любит, не изменяет. Тот, кто любит, не убивает свою жену, не сталкивает трусливо с лестницы...»

М-да, Лиза, тут неизвестно ещё, что хуже. Этот хотя бы не врал, судя по воспоминаниям, не клялся в любви. Клялся оберегать и защищать, в принципе, это и делает. Несмотря на то, что я перед ним просто беззащитная женщина, точнее, драконесса без дракона и с такой слабой магией, что всё, что я могу, — это мелкое бытовое колдовство.

М-да, вот повезло...

Хотя, если так подумать, то действительно повезло, по крайней мере, я чувствую себя живой, относительно здоровой и могу... Да я всё могу!

Я-то не люблю этого своего мужа!

Его любила бедняжка Элисара, в теле которой теперь я! И которую, судя по всему, опоили снотворным до смерти, иначе произошедшее никак не объяснить.

Ясно одно: к прежней жизни возврата нет, а с новой нужно разбираться побыстрее.

Вот только бы справиться с болью Элисары, потому что ненасытная парочка снова предаётся плотским утехам, а я... всё ещё чувствую её боль от предательства подруги и страх потерять сильного и жестокого в своей нелюбви мужа-дракона, к которому тело прежней владелицы всё ещё тянет со

страшной силой.

Но как она оказалась в такой ситуации: брак с тем, кто её не любит, и предательство подруги? Как пришла к такому? Встаю с кровати и тихо подхожу к окну, массирую виски и пытаюсь вспомнить то, чего отродясь не знала. И к моему удивлению, воспоминания услужливо приходят.

Всё начинает вставать на свои места.

Пара года

Вашему вниманию, та самая парочка.

Лже-подруга

Муж года

Глава 2. Прежняя жизнь

Элисара

Воспоминания складываются в общую картину неторопливо, нити сплетаются в причудливую картину, и картина эта — неприглядная и горькая.

Я сижу на подоконнике, опираясь на стену в своей новой-чужой спальне, глядя, как яркие разноцветные звёзды этого мира светятся в ночном небе. Перед глазами всё ещё стоит сцена предательства Кассии, а в ушах звенит ледяной голос Мориана, когда тот говорил об Элисаре, теперь уже обо мне.

Напрягаю все свои извилины, собираю воедино обрывки этой жизни, как рассыпанные бусины, силюсь найти начало этой драмы, понять, распутать... Раз, и на нитку памяти нашивается первая бусина, да такая яркая, что я непроизвольно вздрагиваю.

Это детское воспоминание. Мне восемь лет, я — Элисара, маленькая, тощая, с двумя светлыми косами, вечно мешаюсь под ногами и от того попадаю в переплёты. Я прячусь за тяжёлыми портьерами в кабинете отца, куда забрела в поисках бумаги для рисования. И тут входят родители. Быть в кабинете отца мне запрещено, попасться и получить розог очень не хочется, поэтому замираю, превращаясь в слух.

— ...и Фаис согласен, — говорит низкий спокойный го-

лос отца, Кирана Диташа. Я знаю этот тон, он говорит так, когда принимает важное решение. — Его средний сын, Мориан женится на Элисаре, когда она войдёт в возраст.

Сердце при звуке этого имени замирает в груди, ведь он такой... красивый. Самый красивый сын лорда Кейнаса. Я видела его однажды на празднике, и он показался существом со звёзд, необыкновенным, прекрасным — высокий, темно-волосый, с холодными карими глазами.

— Но... средний, Киран, — мягко отвечает мать. — Разумно ли это? Может быть, рассмотреть другие партии? Ведь она старшая из трёх дочерей...

— Магда, у нашей Элисары всё ещё нет ни намёка на дар, поэтому сильный сын сильного дракона, но второй в очереди — самый подходящий вариант, — отец произносит это ласково, но с металлом в голосе.

Мать молчит, а отец продолжает ей втолковывать:

— Старший сын Фаиса — наследник. Ему нужна сильная невеста с мощной магией, чтобы укрепить род сильными драконами. А Мориан... Мориану подойдёт наша девочка, значимости у него меньше, а дракон у него сильный, так что с этим всё в порядке. Если понесёт от него, родит крылатых сыновей.

— Ты прав, — мать обдумывает его слова, — но я уверена, что дар у Эли ещё проявится, обязательно. Девочки, бывает, запаздывают, к совершеннолетию раскроется, и все будут довольны. Мориан хорошая партия для неё, сын тво-

его друга её не обидит, даже если... — она замолкает, и в этом тревожном молчании я угадываю страх, который вижу, когда она, склонив голову, смотрит на меня, думая, что я не замечу. И тогда кажется, что я какая-то... не такая. Не такая, как младшие сёстры, в которых уже теплится искра.

Я слышу, как мать целует отца. Она любит его безгранично, верит каждому его слову. Для неё всё решено наилучшим образом, иначе и быть не может, ведь так сказал её истинный.

А для меня в тот момент заканчивается детство, за тяжёлым бархатом занавеса впервые понимаю, что я — разменная фальшивая монета. «Подойдёт», «Дар проявится». Эти слова навсегда врезаются в память маленькой Элисары.

Я встаю с подоконника, вдоволь налюбовавшись звёздами, и хочу налить себе воды из графина, похожего на хрустальный, но в последний момент передумываю: кто знает, куда лже-подруга подсыпала или накапала мне снотворного.

И тут на нить воспоминаний нанизывается вторая бусина. Не такая яркая, но сияющая обожанием: теперь мне тринадцать. В наш загородный дом с оглушительным визитом в праздник Великого огня прибывает сам лорд Фаис Кейнас с сыновьями. Я, нескладный подросток с прыщами на лбу и внезапно вытянувшимися руками, в своём лучшем платье стою в парадной, сжимая влажные от волнения пальцы.

Ведь здесь сам Мориан. Ему восемнадцать, он уже не юноша, а почти мужчина. Высокий, плечистый, с жёстким, не

по годам серьёзным взглядом. Его тёмные волосы коротко острижены, а в осанке чувствуется военная выучка. Он учтив, кланяется, целует мою руку, произносит несколько положенных этикетом фраз.

«Интересно, что он думает обо мне?» — вот все мои мысли и интересы.

Его пальцы холодны, а взгляд скользит по мне, не задерживаясь. Я теряюсь в его присутствии, для меня это принц из детской сказки и я... уже люблю его. Люблю все пять лет ожидания, когда же увижу будущего мужа, познакомлюсь с ним поближе, узнаю, что он любит, что ему не нравится. Но за пять лет не состоялось ни одной встречи, а о нашей помолвке говорит только серебряный браслет на моём запястье.

Он проводит с нами три дня, я украдкой наблюдаю за ним, ловлю каждое слово, краснею и запинаюсь, когда он обращается ко мне. Он не груб, но и не проявляет ни капли интереса, просто вежливость и учтивость, но мне... хорошо и от этого. И всё же я вижу, что его дракон абсолютно равнодушен, когда я прохожу мимо. Он ко мне не тянется, как и его хозяин. Да и к чему тянуться? К драконице, которой всё нет?

Но все вокруг шепчут: «Ничего, бывает дар у девочек просыпается позже, к совершеннолетию. Вот увидишь, всё наладится». Я верю и ничего так не желаю, как этого.

Невольно вспоминаю, как лежала в палате после очередного неудачного эхо и сердобольная медсестра утешала меня

как могла: «Ничего, всё ещё наладится, даст бог ребёночка».

Всё в голове смешивается, прошлое моё, Элисары, и, чтобы почувствовать себя здесь и сейчас, я трогаю мягкое покрывало на кровати, провожу пальцами по резьбе на колоннах, поддерживающих тяжёлый балдахин. Заземляюсь.

А потом снова нанизываю бусину воспоминаний на нить, третью, тяжёлую, неприятную. Мне уже восемнадцать. Бал дебютанток, бал Первого огня. Я в своём первом настоящем взрослом платье цвета звёздной пыли. Волосы уложены в сложную причёску, родители не поскупились на волшебные шпильки, всё лежит как надо и пряди не распадаются, лёгкий макияж, не вульгарный, не кричащий, а именно такой, который и должна носить дебютантка светского бала.

Я уже не та долговязая дылда, но всё ещё не роскошная красавица, потому что мой дар так и не проснулся. Магия во мне тлеет слабым, едва заметным огоньком.

«Мне не место здесь, — в очередной раз думаю я, почувствовав горячую огненную магию проходящей мимо ослепительно-красивой драконицы, — я просто... какое-то недоразумение». Она такая красивая, не могу оторвать от неё взгляда, смотрю во все глаза, как, мягко покачивая бёдрами, драконица плывёт в толпе и... подходит к тому, о ком все мои мысли.

«Я даже не знала, будет ли он на этом балу, — сердце пропускает удар. — Неужели пришёл поддержать?»

Жадно разглядываю его, пользуясь тем, что он меня не

видит. Мориан стоит у колонны, безупречный в своём мундире младшего генерала драконьей армии — он сделал оглушительную карьеру и стал ещё суровее. Невзгоды коснулись семьи Кейнас: старший сын умер полгода назад от драконьей хвори, я тогда послала письмо с соболезнованиями, но не получила ответа, как и всегда.

Теперь Мориан — наследник, и союз, который когда-то считали «подходящим для меня», стал вдесятеро ценнее. Охотник за таким сильным и многообещающим драконом очень много.

Сердце колотится, как птица в клетке, вскидываю голову, когда он смеётся над шуткой красавицы, явно флиртующей с подающим надежды лордом. Гнев ударяет в голову. «Он мой!» — набираюсь смелости и иду к нему через всю балльную залу. Подхожу к мужчине, нарушая все правила, и кланяюсь:

— Лорд Кейнас, — голос не дрожит, хоть я сама не своя от волнения. — Окажите честь своей невесте.

Красивая драконица смотрит на меня со смесью недоумения и презрения, но отступает.

«Один-ноль!» — радуюсь выдержке и характеру хозяйки тела, тому, как совсем ещё юная девочка идёт к цели.

Но радость тут же исчезает, сменяется болью Элисары, потому что приходит следующее воспоминание, от которого даже мне хочется взвыть раненой волчицей.

Мориан обнимает меня за талию, ведёт в танце, как и по-

лагается дракону-альфацу. От его близости и прикосновения горит вся кожа, даже под платьем, словно драконье пламя прожигает эту ничтожную преграду из тонкой ткани. Мы кружимся, но я на автопилоте, просто машинально перебираю ногами, выполняя заученные на занятиях движения, потому что музыка, когда он так близко, звучит где-то далеко.

Мориан смотрит на меня с лёгким, почти незаметным удивлением, и в душе зарождается надежда, что он сделает комплимент, извинится за то, что пренебрегал письмами, но вместо этого он говорит то, от чего всю радость от его близости и этого танца смывает ледяным потоком.

— Элисара, — произносит ровным голосом, — вы не хотите обсудить расторжение нашей помолвки? Теперь, когда обстоятельства... изменились.

Мир рушится, но я держусь.

«Только не плачь, не смей», — поднимаю на него взгляд, полный той самой девичьей любви, что копилась годами:

— Нет, я не хочу. Я люблю вас все эти годы и жду того дня, когда мы принесём брачные клятвы.

Я внутренне восхищаюсь силой её любви — первой, чистой, искренней, тому, как юная воспитанница «пансиона благородных девиц» идёт наперекор всем правилам, идёт на отчаянную дерзость для девушки в этом мире, потому что она пытается достучаться, потребовать к себе внимания:

— Почему вы не отвечали на мои письма?

Молодой дракон смотрит куда-то поверх моей головы, его

лицо каменеет:

— Вообще-то, я был на войне с Арраносом. Мне было не до нежностей.

Танец заканчивается, он отпускает мою руку, кланяется и уходит. А я остаюсь стоять посреди бального зала, с разбитым сердцем и ледяной пустотой внутри, понимая, что только что мой жених практически прямым текстом объявил мне о том, что не любит и не хочет нашего брака.

Элисара отходит в дальний угол бального зала и пытается собрать воедино разбитое сердце, но у неё не получается, и всё внутри звенит ледяной пустотой.

«Ничего, — шипит внутри голосок, — ты будешь моим. Ты меня полюбишь, когда узнаешь ближе. Такой идеальной жены тебе не сыскать!» — узнаю интонации миссы Дюваль, наставницы из пансионата «для благородных девиц. Той самой, что вбивала в нас, что счастье женщины — в безупречном служении супругу, драконы любят только таких, послушных и покорных жён. А моё счастье — в служении будущему мужу, Мориану.

«Я же лучшая! — с горькой иронией ловлю мысли Элисары. — Лучшая в манерах. В умении сервировать стол на двадцать персон так, чтобы ни один герцог не смог найти изъяна. В искусстве составления туалета драконьей леди, в искусстве ухода за мужем, в этикете, доведённом до автоматизма, в покорности и послушании.

Именно такая нужна Мориану, дракон больше всего це-

нит спокойную приветливую жену, которая всегда выслушает, поймёт, встретит с поля боя. Конечно же, целомудренную. И всегда, всегда готовую выполнить любую его прихоть. Ибо он — высшее существо, божество.

Картина вырисовывается до тошноты ясная. Элисара — идеальная, выдрессированная зверушка для зарвавшегося мудака, который даже не удосужился прочитать написанные с любовью и ожиданием ответа письма. Он ни мгновения не думал о ней, пока она вышивала ему платочки, писала стихи о любви и почти молилась на его портрет.

Глоток воздуха обжигает лёгкие, от наплыва чувств я снова забыла, как дышать. Открываю мокрые глаза, смаргиваю... Я здесь, в незнакомом доме, в незнакомой чужой комнате, в чужом теле. Слезы катятся по щекам, и это тоже слёзы Элисары, как и фантомная боль в сердце этой девушки, привычная, родная. Страдание той, которая так и не дождалась ни своего дара, ни любви будущего мужа. И я, Лиза, застрявшая в её теле, чувствую всё это, как своё. Я знаю, чем закончилась её наивная вера, — отвратительной сценой между лучшей подругой Кассией и Морианом.

М-да, вот это жизнь... Сплошное ожидание: дара, который не пришёл, любви, которая оказалась равнодушием, счастья, которое и не думало начинаться. Ожидание, что однажды *Он* оценит всё, что она делает...

Почти так же отвратительно, как десять лет моего брака с Мишей, отвратительная измена, отвратительное предатель-

ство и не менее отвратительное, подлое убийство — тычок в спину.

«Меня тоже предали, возможно, даже похлеще, чем Элисару. Ценой за мою жизнь оказались квартира, шикарная дача и репутация. Одно движение, и уважаемый профессор социологических наук Михаил Сергеевич Богачёв не теряет ничего из того, что он так любит, остаётся видным научным деятелем при имуществе, деньгах и молоденькой любовнице, на которой можно и жениться. Ах, какой удачный для него расклад.

Уж не думала, что у него хватит духа пойти на такое, иначе спиной не повернулась бы. Всё думаю и не могу оторвать глаз от необычно расцвеченного неба. Звёзды мерцают, притягивают взгляд, и, глядя на красоту чужого мира, клянусь себе, что моя история здесь будет другой. Я уйду от нелюбящего меня мужа, разберусь с «подругой», опоившей Элисару до смерти, и буду счастлива!

И плевать я хотела, как тут относятся к разведённым драконессам!

Прислушиваюсь к тишине в соседней комнате: ни шёпота, ни скрипа кровати, только мерное дыхание двух спящих после длительных постельных утех людей... «Близких мне людей, — сжимаю пальцы в кулаки, отгоняю навязчивую чужую боль. — Прости, Элисара, я не намерена больше печалиться и жалеть себя».

Прислушиваюсь ещё мгновение, они точно спят. Сердце

колотится где-то в горле, но это не страх, а чувство грядущих перемен. Накидываю на голубую ночную рубашку домашний халат, смотрю в зеркало и тихо говорю нам обеим:

— Ты ждала, а я буду действовать, ты мечтала о его любви, а я собиралась оставить своего мужа-профессора без штанов, репутации и всякого уважения. И если уж я здесь... Будем исправлять то, что есть.

Выпрямляю спину, глядя на своё отражение в тёмном стекле. Хрупкая девушка в домашнем халате цвета лунной пыли поверх ночной рубашки неуловимо меняется. В её глазах теперь горит не девичья робость, а холодный, чёткий огонь решимости, теперь это мои глаза, не её.

Дверь бесшумно открывается, ноги сами знают, куда ступить, чтобы не скрипнули половицы, — это знание Элисары, её мышечная память. Я выскальзываю в коридор, и тихо прикрываю дверь. Ни к чему всем в доме знать, что я не сплю ночами, мало ли, кто помогал «подруженьке» со снотворным. А уж в том, что слуги мужа годами следят за мной и в два счета доложат о подозрительных передвижениях, пока он спит с любовницей, сомнений нет.

«Нет-нет, пока не придумаю, что делать дальше, ни к чему кому-то догадываться о метаморфозах Элисары. Сдаётся мне, если Мориан узнает, что в её теле другой человек, то меня ждёт лишь смерть, пытаться благопристойно решить вопрос с безродной иномирянкой никто не будет», — останавливаюсь заворожённая, не сделав и пары шагов.

Широкий коридор утопает в полумраке. Его освещают не свечи и не лампы, а парящие в воздухе на уровне глаз сияющие шары. Они излучают мягкий, тёплый, медовый свет, который ложится на стены причудливыми узорами. «Магические сферы, — подсказывает память Элисары. — Их заряжают маги света раз в месяц».

Всё остальное дышит подавляющей чисто мужской роскошью: стены обиты тёмно-бордовым штофом с вытканными золотом узорами, похожими на драконыи чешуйки, под ногами — густой, ворсистый ковёр цвета вина, в котором тонут босые ступни. Массивные дубовые двери, тяжёлые тёмные портьеры, гобелены изображающие сцены боёв, — всё основательное, дорогое, призванное демонстрировать силу и вес рода Кейнас, а не радовать глаз лёгкостью и изяществом. Чувствую, что Элисаре, как и мне, было тяжело находиться в этом мрачном великолепии.

Я иду, рассматривая сцены боёв, на которых, конечно же, крылатые драконы да похожие на рыцарей суровые мужчины в тёмных плащах. Красиво, кроваво и мрачно. Внутренний компас Элисары ведёт вперёд, я иду так, словно знаю замок как свои пять пальцев. Поворот, второй, лестница вниз, ещё один длинный коридор, но уже без гобеленов: здесь живёт прислуга. Замок спит, лишь магические шары — мои молчаливые проводники сияют чуть ярче, когда приближаюсь к ним.

И вот я на кухне: огромное помещение с тёмными балка-

ми на потолке и массивным каменным очагом, где ещё тлеют угли. Пахнет уютом, специями и свежим хлебом. Здесь пахнет жизнью, а не пылью и изменой.

Нахожу глиняный кувшин, наливаю воду в простую жестяную кружку и пью большими жадными глотками. Вода холодная, чистая, обжигающе вкусная. Она смывает горечь предательства, оставляет лишь лёгкий привкус разочарования, и я закрываю глаза, наслаждаясь простым моментом. Дурнота и лёгкая тошнота отступают, туман в голове рассеивается, и теперь я могу думать рационально.

И главный вопрос: что делать?

Мысленно я перебираю варианты, как карты в колоде, но все они — проигрышные.

Может ли мне как-то помочь семья? Слово само всплывает в сознании с тёплым, но таким далёким чувством Элисары, вспоминается родовое гнездо Диташ и отец Киран.

Я тут же вижу его лицо — суровое, с жёсткими складками у рта. Он настоящий делец, заключил эту сделку, вложил в этот брак репутацию, связи, дочь. Он не простит позора. Не примет обратно «бракованный товар», откажет от дома и содержания. Развод? Для него это будет не освобождение дочери, а оскорблённая честь семьи. Он скорее прикажет мне терпеть и выживать, лишь бы сохранить лицо и союз с могущественным родом, стать... наложницей, кем-то вроде рабыни для утех, зато при драконе. Поддержки ждать нечего.

Мать, нежная, добрая Магда, она любит старшую дочь, но

её слово в семье ничего не весит. Она — украшение для отца, его утешение, но не советчик. Её удел — тихо плакать в кружевной платочек и шептать: «Потерпи, милая, всё наладится, он одумается». Так уже было, Элисара уже жаловалась на нелюбовь мужа.

От брата, Седара, помощи тоже не будет, ведь он — подающий надежды офицер в армии. Его карьера, его будущее зависят от связей, от благосклонности старших. А Мориан — один из пяти генералов Драконьей армии. Да Седар будет в ярости, и не из-за моего горя, нет. Из-за того, что я своим разводом испорчу его отношения с сильным мира сего. Он увидит в этом не предательство мужа, а мою неудавшуюся миссию, встанет на сторону Мориана и кинет в меня камень. В этом я уверена на все сто.

Ну и остаются сёстры, две глупенькие овечки-погодки, которых выгодно просватали за сыновей других лордов, когда отец стал добывать голубые кристаллы. Они живут в мире балов, платьев и будущих наследников. Самая младшая, Лира, уже носит под сердцем ребёнка, надеется, что это мальчик, вспоминаю письмо матери... Их мнения тоже просто не существует, их не слушает даже собственная нянька.

Я выдыхаю, и этот выдох превращается в горький смешок, который застревает в горле.

«Да, — я смотрю на своё отражение в тёмном окне кухни, — мир другой, магия, драконы, волшебные кристаллы, а проблемы те же. Всё так же, как и в моём мире: деньги, долг,

похоть и совсем нет места для любви».

Старая Лиза знала, что делать: устроить скандал, выставить мужа-профессора на посмешище, забрать своё и уйти, хлопнув дверью. Здесь же эта дверь ведёт в пропасть нищеты. Уйти, гордо подняв голову, — значит умереть: без поддержки семьи, без гроша за душой, с позорным клеймом «брошенной».

Стоп! Мориан же сказал Кассии в перерыве между постельными упражнениями, что предлагал мне отступные! Снова растираю виски и проваливаюсь в давнее неприятное воспоминание.

Кабинет Мориана, пахнувший дымом, кожей и властью, за массивным дубовым столом он — раздражённый, сжатый, как пружина. Элисара входит в своём самом откровенном платье глубокого красного цвета, с идеально уложенными волосами и дрожащими от волнения руками. Его не было целый месяц, она страшилась за него, скучала, ждала...

— Элисара, садись, — голос мужа холоден, не такого она ждала после его месячного отсутствия.

— Что случилось, дорогой? К чему этот официоз? Поговорили бы за ужином, сегодня твои любимые перепела в винном соусе...

— Элисара, давай не будем притворяться, что всё хорошо. Мне всё равно, что там к ужину, завтраку, обеду... Из уважения к твоей семье и дружбе наших отцов я больше не хочу этого фарса.

— Фарса? — её голос дрожит, она догадывается, о чём пойдёт речь, и всё же надеется, что ошибается.

Но нет.

Он бросает на стол лощённый банковский пергамент:

— Я не буду это больше обсуждать, Элисара. Двадцать тысяч золотых дублонов. Моя свобода от тебя. Подписывай.

Губы задрожали, глаза наполнились предательской влагой. Слеза скатилась по щеке — одна, единственная, но вместившая в себе всю боль отверженной женщины.

— Я не хочу свободы, — прошептала она, и голос сорвался на надтреснутой, искренней ноте. — Я люблю тебя, хочу от тебя детей, я твоя жена.

Он засмеялся. Коротко, резко, без тени веселья.

— Любишь? — он встал. — Ты не знаешь, что такое любовь, иначе не пошла бы на этот брак, расторгла помолвку ещё на том балу... Нет-нет, ты не знаешь любви. Ты знаешь, что такое долг, благопристойность, искусство быть идеальной занудной картинкой в позолоченной рамке! Мне надоели эти пустые, выхолощенные светские разговоры, эти бесконечные вышивки, твои стихи о любви. Мне надоела ты!

Он ударил кулаком по столу, и она вздрогнула:

— Ты заперлась в этой башне из слоновой кости, которую сама же и построила! Ты даже дышишь правильно, как учили в твоём проклятом пансионе! Оттого что у нас в кладовых сорок окороков на зиму, я тебя не полюблю, как ни старайся! Его слова били, как плети. В них была своя уродливая

правда. Правда о той, чьё тело теперь носило меня.

— Я делаю всё, что должна делать хорошая жена! — выдохнула я, и в голосе прорвалась настоящая боль — боль унижения, которое терпела она. — Я стараюсь! Я жду тебя! Я...

— Хорошая жена? — он перебил её, и его взгляд стал ледяным. — Мне не нужна хорошая жена. Мне нужна *любимая* жена и наследники.

Он бьёт в самое сердце и замирает напротив, испепеляя взглядом:

— Я хочу развода. Окончательно и бесповоротно. Назови свою сумму, но будь благоразумна. Я предлагаю двадцать тысяч, и это более чем щедро.

— Двадцать тысяч? — Элисару будто облили холодной водой. — Во столько ты оцениваешь мою любовь? Это мало, Мориан, мне нужен ты! Мне не нужен развод, я просто хочу, чтобы ты меня любил!

— Я никогда тебя не полюблю, и будь проклят тот день, когда мой отец заключил этот дьявольский договор о браке и мне пришлось жениться на тебе! — Мориан хлопает дверью, а его жена остаётся одна в звенящей пустоте и рвёт на мелкие клочья бумагу с отступными за развод.

Я медленно открываю глаза, всё ещё чувствуя боль Элисары: «Неужели твоя любовь к нему была так велика? Неужели так можно любить?»

Как хорошо, что теперь я на твоём месте. Уж я-то не буду

горевать по будущему бывшему мужу-дракону.

— Ты хочешь развода? — шепчу я в пустоту. — Хочешь выбросить меня, как надоевшую игрушку? Значит, остаётся одно, хорошенько поторговаться и послать тебя ко всем чертям, Морриан Кейнас, пятый генерал-дракон!

Теперь я не откажусь, предложу сама и удвою сумму.

Твоя обновлённая жена умеет очень хорошо торговаться, милый!

Мои дорогие!

Рада видеть вас в этой непростой истории!

Впереди вас ждут крутые сюжетные повороты и очень непростая попаданка: сильная, прекрасная и знающая чего хочет.

Зажигайте звёзды книге, пишите комментарии, мне очень важно каждое мнение!

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить мои новинки и розыгрыши, у нас с вами впереди много историй!

А сделать это можно здесь: [**https://litnet.com/shrt/j3a_**](https://litnet.com/shrt/j3a_)

Вы перейдёте на мою страницу и просто нажмёте кнопку **ПОДПИСАТЬСЯ** вот как на этой картинке!

Я буду очень рада увидеть тебя в числе своих подписчиков, моя дорогая читательница!

Читаем дальше!

Элисара

Ну конечно, куда без визуала нашей главной героини!
Вашему вниманию!
Элисара!

Глава 3. Я согласна!

Элисара

Утро, солнечные лучи робко пробиваются сквозь тяжёлые шторы, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе.

«Долой мрак и безнадёжность!» — открываю шторы пошире и прихорашиваюсь перед зеркалом с холодной, расчётливой тщательностью. Не для него, для себя. Не зря говорят: женщина красится не для мужчины, а для себя или других женщин.

Выбираю платье небесно-голубого цвета — того самого шикарного оттенка, что так идёт к моим новым глазам, подчёркивает цвет, делает кожу фарфоровой. Пока служанка укладывает волосы в строгую, но элегантную причёску, обнажающую шею, вспоминаю, как Мориан едко сказал за одним из завтраков: «Дорогая, ты похожа на утопленницу в этом платье». Чужая боль снова стреляет в сердце, но уже не так сильно, кажется, я наконец-то начинаю брать контроль в свои руки.

Окидываю себя взглядом: никаких жемчугов в три нитки, никаких сложных драгоценностей, только тонкая цепочка на шее да простое серебряное кольцо с фамильным гербом Диташ на пальце — напоминание ему и себе, что я тоже потомок древней крови. Делаю пару движений кистью, наношу румяна, и теперь я довольна отражением в зеркале, теперь

это цветущая девушка. Пусть ещё слишком бледная, но уже восставшая из собственной тюрьмы, полной правил, этикета, заблуждений и приличий. Ещё не опасная волчица, но и не побитая собака, готовая бежать к хозяину Мориану и облизывать ему ноги. Нет, такого больше не будет!

Спускаюсь в столовую, женский смех слышно ещё с лестницы — громкий, весёлый. Делаю глубокий вдох, надеваю маску кроткой Элисары и вхожу.

За столом, уставленным фруктами, свежей выпечкой и дымящимся кофе, сидят они, Мориан и Кассия. Он что-то рассказывает, а она смеётся, открывая в улыбке белоснежные, как из рекламы зубы. Красивая, уверенная в себе темноволосая девушка со сложной высокой причёской, при полном макияже, в дорогих украшениях, сверкающих в глубоком декольте на пышной груди. Одного взгляда на неё достаточно, чтобы понять: она хищница, мужчины любят таких. Однако, стоит мне открыть дверь, как красotka натягивает маску скромницы и убирает руку с плеча Мориана.

«Словно она уже его жена», — скрываю свои мысли и чувства, ни один мускул на лице не дёргается от притворства лже-подруги.

Кассия смотрит на меня с преувеличенным, притворным удивлением:

— Элисара, дорогая! Ты уже проснулась? — её голос сладок, как патока. — Я думала, ты ещё отдыхаешь. Ты вчера выглядела такой уставшей и так рано уснула...

Улыбаюсь ей вежливой, холодной улыбкой, от которой её насквозь фальшивая маска немного сползает, сменяясь лёгким недоумением:

— Доброе утро, Кассия, спасибо за заботу. Я так прекрасно поспала, а какие сны видела...

Подхожу к столу и сажусь напротив Мориана. Он слегка оглядывает меня, явно заметив изменения в поведении вечно тихой и покорной жены. Его взгляд скользит по мне абсолютно безразлично, так же он мог рассматривать тумбочку или дерево у дороги.

— Доброе утро, супруг, — киваю служанке и та наливает мне кофе. Поправляю волосы, моя рука не дрожит, я уверена.

— Доброе, Элисара, — кивает он, отводя взгляд к своей тарелке. Его учтивость ледяная, отстранённая.

Завязывается нелепый светский разговор, Кассия щебет о новых нарядах, о сплетнях при дворе. Я вставляю пару нейтральных фраз, улыбаюсь где надо, но всё моё внимание приковано к Мориану. Я украдкой наблюдаю за ним и понимаю: всё так, как и в воспоминаниях Элисары, — он отстранён и вежлив, но его мысли явно далеко от меня. Далеко отсюда, даже от своей любовницы, жарко стонавшей под ним этой ночью. Он отрезает кусок мяса с такой концентрацией, будто ведёт войска в бой.

Наконец, Кассия заканчивает щебетать, и он откладывает нож и салфетку:

— Мне пора, сегодня совещание в Имперском совете, нужно подготовиться. Кассия, я могу сопроводить тебя до города.

Она тут же вспыхивает, как новогодняя ёлка:

— О, с удовольствием! — она явно ждала этого приглашения.

«Элисара, ты что была слепой? — я тоже откладываю вилку. — Всё ведь очевидно, моя дорогая».

Наблюдаю, как подруга вскакивает, уже готовая мчаться в карету чужого мужа.

Вилка звенит о фарфор на удивление громко:

— Нет, Морриан, останься. У меня к тебе разговор.

Оба замирают и смотрят на меня. Кассия — с недоумением, Морриан — с холодным, изучающим интересом:

— Это срочно? — голос такой же холодный, как и взгляд.

— Мне нужно изучить сводки донесений.

— Очень, — мой голос тихий, но стальной. — Это очень срочно и важно. И займёт не так много времени.

Он смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то... знакомое. То самое выражение, что было в ту нашу памятную беседу, когда я отказалась от денег. Он будто предчувствует, что я заведу речь о нашем браке.

— Хорошо, — он кивает Кассии. — Подожди меня в карете.

Кассия, надув губки, нехотя удаляется, холодно поцеловав меня в щеку на прощание и одарив притворной улыбкой.

Дверь за ней закрывается.

Тишина между нами столовой звенит напряжением. Он ждёт, скрестив руки на груди.

— Ну? — голос низкий, без эмоций. — Что ты хотела в этот раз, дорогая жена?

Я делаю шаг вперёд:

— Для начала, пройдем в кабинет, этот разговор, — киваю в сторону прислуги, — не для чужих ушей.

Он едва заметно напрягается, но кивает.

Мы входим в тёмный, пропитанный аурой властного дракона кабинет, Мориан закрывает дверь и вопросительно смотрит:

— Говори, что тебе надо!

— Помнишь, ты предлагал нам разъехаться, жить счастливо и не вместе. И спрашивал, сколько я хочу за это?

Его брови почти незаметно ползут вверх, всё же выдавая удивление:

— Помню.

— Я всё обдумала, милый, я согласна.

Он замирает, холодная маска на мгновение даёт трещину. Пятый генерал-дракон явно не ожидал такого подарка. Не сегодня и вообще никогда.

— С чего такие внезапные перемены, Элисара? — его голос становится тише, опаснее. — Что ты задумала?

Он делает шаг ко мне, внезапно сокращая расстояние. Его пальцы грубо, почти по-хозяйски берут меня за подбородок,

заставляя поднять голову. Его глаза впиваются в мои, ищут в них обман, игру:

— Не вздумай мне врать, скажи правду...

Я не отвожу взгляд, хотя его прикосновение жжёт кожу. Чувствую, как тянет Элисару к нему, как хочется, чтобы он обнял, приласкал... «Бред, — одёргиваю себя, — он трахается с твоей подругой и считает дни до развода!»

И всё же что-то внутри дрожит от того, как он смотрит на мои губы. Его взгляд тяжелеет, зрачки становятся другими, драконьими. Он наклоняется чуть ближе, и на миг мне кажется, что он... что он хочет меня поцеловать. Не из нежности, нет, из гнева, из желания доказать власть, подчинить. Чтобы напомнить, кто здесь хозяин, чтобы верная преданная собачонка, повизгивая от радости, виляла хвостом и облизывала сапоги.

Дыхание застревает в горле. Магия момента, густая и опьяняющая, окутывает нас, чувства прежней Элисары ещё сильны, кажется вот-вот выйдут из-под контроля, и я сдамся под этим тяжёлым взглядом вертикальных зрачков супруга...

И вдруг в дверь настойчиво стучат.

Мгновение рассыпается песком. Морриан резко отпускает меня, отшатываясь, будто обжёгся, его лицо снова становится холодной маской.

— Войдите! — бросает он через плечо, не сводя с меня колючего взгляда.

Входит посыльный, кланяется и протягивает мне сложенный пергамент с магической печатью Диташ:

— Для вас, госпожа, срочно!

Беру письмо, замечаю, что руки чуть дрожат, — так сильно реагирует чужое тело на близость пока ещё мужа. Мориан смотрит на конверт, потом на меня:

— Что там?

— Неважно. Давай закончим разговор, — я откладываю письмо в сторону.

— Продолжай, Элисара, — его голос снова жёсткий и деловой. — Ты сказала «согласна». Назови сумму.

Я откашливаюсь, стараясь вернуть себе самообладание:

— Помнится, ты предлагал двадцать тысяч, — говорю я, и голос звучит едко. — Но, милый, это было два года назад, а деньги дешевеют, война не кончается... Инфляция, сам знаешь. И моральный ущерб за эти годы тоже чего-то да стоит. Тридцать за три года моих мучений в этом браке, остальное — моральная компенсация. Итого... сорок тысяч!

Он смотрит на меня с новым, почти уважительным интересом. Уголок его рта дёргается в подобии улыбки:

— Сорок? — издаёт короткий хриплый смешок. — Ты стала торговаться, Элисара, не ожидал такой хватки от любящей, — голос сочится ядом, — жены.

— Научилась у тебя, Мориан, — замечаю, как он усмехается от моей честности. — Ты ведь хочешь прекратить всё это? К чему притворяться, что у нас счастливый брак?

— Да, Элисара, этот брак никогда не был счастливым, и ты мне мешаешь, как палка в колесе. И ладно бы эта палка была плодовой...

Сердце в груди делает прыжок:

— Возможно, стоило ухаживать за палкой получше, тогда и отростки были бы! Может, нужно признать, что садовник ты так себе?

Глаз супруга дёргается:

— Что ты сказала?!

— Всё, что нужно напоследок, дорогой муж! — смотрю на него в упор и стараюсь унять дрожь в коленях.

Слава всем местным богам, что платье длинное и пышное и он не видит, как трясутся поджилки, оттого что посмела ему слово против сказать. Драконья мощь давит тяжёлой волной, требует подчиниться слабое человеческое тело, но толика моей магии сопротивляется, и пока что успешно.

— Из уважения к памяти своего отца не скажу всё, что думаю об этом браке, о тебе и твоей семейке, подсунувшей роду Кейнас такое «сокровище» в обмен на Синие копи.

— Наконец-то ты признал, что тебе досталось сокровище! — парирую я.

Ноздри дракона раздуваются от гнева, глаза вспыхивают драконьим золотом, но лорд Кейнас сильный дракон, умеет себя контролировать:

— Я дам тебе сорок тысяч и надеюсь увидеть только на нашем разводе! — Мориан быстро достаёт какие-то бумаги

из стола.

«Именной ордер», — подсказывает память.

Он не спорит, слишком ценит деловую хватку, даже если она направлена против него.

— Как скажешь, милый, я тоже не горю желанием встретиться до... — вспоминаю, как это называется, — процедуры Разъединения.

— Чудесно! — он вписывает что-то в бумагу, и клянусь, кажется, я слышу скрежет зубов дракона!

— Вот твои деньги. Надеюсь, ты скоро уедешь погостить к родителям или ещё куда, надоело придумывать поводы, чтобы не ночевать в одном доме с тобой! — он ставит на вексель личную печать лорда Кейнаса и протягивает мне документ.

Быстро пробегаю глазами документ, согласно которому я могу изъять со счёта супруга сорок тысяч золотых дублонов, и, подняв глаза, улыбаюсь почти бывшему мужу:

— Спасибо, милый, заберу своё золото сегодня же!

— Прощай, Элисара! — он разворачивается и уходит, не оглядываясь. Его шаги и хлопок двери гулко отдаются в пустом кабинете.

«Вот и всё, — чувствую, как от боли разрывается сердце, — этот несчастливый брак закончен».

Это чувства Элисары, такие сильные, такие раздирающие, что больно даже мне.

Но надо быть сильной. Это скоро пройдёт, всё проходит. Взгляд падает на нераспечатанное письмо из отчего дома.

Машинально прикладываю к нему личный перстень с гербом Диташ, и тяжёлая магическая печать мгновенно осыпается пеплом.

«Как интересно тут всё устроено...» — расправляю бумагу и вздрагиваю от того, что написал... отец.

Текст письма весьма короток и убедителен: «Срочно приезжай домой, мать очень плоха, у неё драконья хворь».

Сердце делает бешеный скачок, и я всерьёз думаю попросить у служанки карвалола, если он тут есть.

Мои дорогие!

Приглашаю вас с свой завершённый роман о попаданке Жене, которая...

оказалась в теле фальшивой истинной опасного генерал-дракона!

Предыдущая владелица тела подделала метку истинности?

Муж-дракон отправляет на эшафот?

Пойду ва-банк и спасу себя и... своё дитя!

Мне есть ради кого бороться!

18+

Фальшивая истинная. Скандальная лекарка дракона

<https://litnet.com/shrt/aZF6>

Фэнтези-роман о сильной попаданке, властном драконе и настоящей любви!

Читаем и наслаждаемся здесь:

<https://litnet.com/shrt/aZF6>

Глава 4. "Любимая дочь"

Элисара

«М-да, журналистика тут, конечно, развита на самом примитивном уровне», — на постоялом дворе, где пришлось заночевать, я купила местную газету «Дуранский вестник» и теперь листаю её, изредка поглядывая в запотевшее от холода окно кареты. Военные сводки скудны и навевают скуку: «Войска отброшены к реке Серебряной», «Арранос применяет новое зажигательное зелье». «Ледяные драконы отступили на запад». Статьи написаны скудно, подача сухая, несмотря на одержанные победы, складывается впечатление, что дела идут неважно.

«Кто же так поднимает боевой дух империи? — я делаю глоток обжигающего чая с какими-то неизвестными местными травами из маленькой фляжки, напоминающей термокружку. — Эх! Мне бы поработать в их газете, я бы показала, как поднимать настрой!» — рассматриваю остальные статьи сугубо на мужские и политические темы.

Зеваю, от этой унылой писанины хочется уснуть даже мне, а я очень хочу вникнуть в происходящее в этом мире. Как уж тут вести войска на победоносные сражения.

«Интересно, пресс-служба у них есть?»

«Срочно требуется литературный работник в Валаанский отдел Вестника», — тут же попадаете на глаза выделенное

крупным шрифтом объявление.

«А что если?.. — загорается шальная мысль. — Ведь с моим опытом и умением писать, я вполне могла бы...»

«Нет, — почти кричит осторожность, — ни за что!» Представив, как начнёт рвать и метать дражайший супруг, когда жена, не увлекаясь ничем, кроме хозяйственных хлопот да «бесполезных стихов», устраивается на подобную работу едва ли не военным корреспондентом, я чуть ли не смеюсь. Но из-за укола в груди получается только улыбнуться.

И то хорошо, подавленность Элисары, грусть, переживания и нежная трепетная любовь к тому, кто её не любил и не заслуживал, слишком сильны в этом теле.

И всё же газету я складываю в саквояж, мало ли.

Колеса кареты мерно стучат по каменистой дороге, напротив спокойно дремлет служанка, а моё сердце начинает биться быстрее не только при мыслях о мускулистом изменнике, робких мечтах о работе в местной газете, но и при виде родового замка Диташ.

Он возникает на горизонте не внезапно, а медленно, как поднимающийся из воды левиафан — массивный, серый, неприступный, не сулящий уюта, лишь временное холодное убежище.

Таким Элисара его и помнит, такими же по воспоминаниям были и обитатели — ни капли душевной теплоты, только мать, словно светоч, согревала и оберегала от невзгод лишённое магии дитя.

Да и погода вокруг под стать — такая же мрачная, какая бывает у нас в Барнауле в начале ноября, — холодно, промозгло, листья давным-давно опали, и глаз радуют лишь заснеженные пики гор да зелень елового леса на склонах.

Прошло всего двое суток с тех пор, как я получила пергамент с магической печатью, но кажется, что гораздо больше — столько всего успела сделать. Едва прочитала письмо от отца, приказала служанкам собрать вещи, самое необходимое для поездки в Серый холм, мои родные края. А сама немедленно отправилась в Имперский банк, чтобы получить по именному ордеру деньги Мориана. Пёс его знает, вдруг лицемерная подружка начнёт считать свои-чужие деньги любовника и убедит его, что сумма слишком велика.

Старший клерк, седовласый мужчина с каким-то пожеванным жизнью лицом, принял ордер, подписанный лордом Кейнасом, без единой лишней эмоции. Но, когда его взгляд упал на сумму, он замер на секунду, а затем поклонился мне с той глубокой, выдрессированной почтительностью, что я поняла: не продешевила. Такое уважение оказывают, только если у тебя на счету лежит весьма приличная сумма денег.

Благоразумно я оставила деньги в этом же банке, просто открыла свой собственный счёт, к моему удивлению быстро, почти в одно действие. «М-да, банкам в моём мире есть чему поучиться», — приятно удивилась, вспоминая длинные очереди и неприветливую прегидрольную тётку, смотрящую на меня, как на букашку, пока всё тот же милый мужчина

проводил меня до самого выхода.

— Будем рады видеть вас снова, — слегка поклонился он, когда я поблагодарила его за оказанную весьма быстро услугу. И этот поклон снова был лучше любых слов. Он означал безопасность. Независимость.

«Хорошо, что я не завишу теперь ни от отца, ни от его решений, — выпрямляю спину и откладываю Вестник. — Может, и скажу ему, что грядёт развод. Но сначала мать, нужно увидеть её. Неважно, кто внутри тела Элисары, мать — святое, я должна дать ей любовь и поддержку во время такой серьёзной болезни».

Карета въезжает в знакомый двор, сквозь мелкую, назойливую изморось замок, нависающий над головой, выглядит ещё более мрачным. «Жить здесь я не останусь точно», — наблюдаю, как поёживается от холода проснувшаяся служанка, и снова надеваю маску Элисары. Это её семья, их обмануть будет сложнее, чем ненавидящего этот брак супруга.

Дверца кареты открывается, пора выходить и решать, какой же мне быть теперь.

Я медленно выхожу, колючие льдинки измороси ложатся на лицо.

«Как вести себя с семьёй? Стоит ли всё же говорить о скором разводе?» — память подсказывает: прежняя Элисара была тихой, почти невидимой. Она не отсвечивала, не спорила, когда стало ясно, что с магией проблемы, невидимость — лучшая защита для слабой, и её мнение никогда не бы-

ло решающим. Она — серая мышка в позолоченной клетке хищников.

«Именно такой мне и нужно быть сейчас, — решаю я, глядя, как вдалеке показывается какая-то беременная девушка, — скромной, молчаливой, наблюдательной. Никаких резких движений, никаких скандалов. Пусть они думают, что я приехала навестить мать, и, возможно, просто переждать очередную ссору с мужем, зализать раны. Это даст мне время».

А время всё обдумать мне ой как нужно, потому что вариться в чужом семейном котле совсем не хочется, мне нужно столько всего узнать об этом мире, чтобы не попасться на том, кто я. Если у меня будет какая-нибудь чудесная неделя, чтобы найти уютное тёплое местечко около какого-нибудь моря, если таковое есть в этом Дуране, я бесшумно исчезну, оставив всех с их интригами, любовницами, разочарованиями и ложью.

— Эли! — светловолосая девушка на приличном сроке беременности подходит ближе.

«Лира, — всплывает в памяти имя, — самая младшая».

Я делаю глубокий вдох, наполненный запахом влажного камня и хвои, и иду навстречу сестре. На моём лице — привычная маска кротости и лёгкой грусти.

Игра началась.

— Эли, — захлёбывается слезами Лира, и я оказываюсь в тёплых объятиях, позабывшей о всех склоках сестры. — Мама...

— Что с ней? — чувствую, как внутри всё сжимается в ледяной комок.

Лира всхлипывает, её пальцы впиваются в мою спину:

— Маме так плохо... Лекарь сказал, что это последние часы... А она так тебя ждёт... Пойдём!

Она тянет меня за собой в замок, тяжёлая дубовая дверь закрывается за нами, и нас обволакивает тепло. После промозглой дороги кажется, будто попадаешь в гигантскую печь: воздух густой, натопленный, пахнет смолой и хвоей, повсюду разложены еловые и пихтовые ветви. «Чтобы отогнать драконью хворь, — вспоминаю я местное поверье, поспешая за сестрой. — В моём мире в древности было так же, отсюда и пошли все эти праздничные венки к зимним праздникам».

Замечаю, что стены освещены не магическими сферами, а добротными факелами и масляными лампадами, чей тёплый живой свет дробится на тёмных деревянных панелях и каменных стенах, создавая островки уюта в длинных коридорах.

«Магические сферы себе может позволить не каждый, ещё надо мага огня хорошего найти», — подсказывает подсознание, пока сердце колотится как ненормальное. Лира, не отпуская мою руку, ведёт по лабиринту знакомых с детства переходов и наконец останавливается у резной двери из светлого дерева. У комнаты матери.

Здесь пахнет травами, воском и тихой грустью. В большом камине потрескивают поленья, отбрасывая танцующие тени

на стены. И в центре этой комнаты на высокой кровати, застеленной стёгаными одеялами, лежит она...

Моя мать, Магда Диташ.

Всё ещё красивая, но страшно измождённая с бледным, как пергамент, лицом, а тёмные круги под глазами контрастируют с сединой в волосах, аккуратно уложенных на подушке. Она такая хрупкая, что кажется, одно неловкое движение — и рассыплется.

Сердце дрожит и сжимается от боли, которую я чувствую, как свою.

Делаю шаг вперёд, она словно чувствует моё присутствие — её веки медленно поднимаются, открывая потускневшие, но всё ещё лучистые глаза.

Её губы растягиваются в слабой, едва заметной улыбке: — Эли... ты пришла, милая. Я так тебя ждала...

Я опускаюсь на колени, беру её холодную, почти невесомую руку и говорю то, что следует:

— Я здесь, мама.

Она смотрит на меня, и её взгляд наполняется такой бездонной любовью и таким горьким раскаянием, что у меня перехватывает дыхание.

— Я так тебя люблю, моя девочка... — её голос тихий, шелестящий, как осенние листья. — И я так перед тобой виновата. Прости меня... Прости за этот брак...

Она замолкает, собирается с силами:

— Прости, что послушала отца и настояла, когда Мориан

присылал то письмо... с просьбой расторгнуть помолвку. Он хотел жениться на другой, знаешь ли... — в её глазах стоят слёзы. — Но мы с отцом... мы настояли... Мы думали только о выгоде для семьи... о статусе...

«О Синих копиях, — понимаю я, — об этом жирном куске, что дал за пустышку-дочь лорд Кейнас».

Она сжимает мою руку чуть сильнее:

— Прости за то, что тебе приходится жить в нелюбви и холоде рода Кейнас. Это моя вина... Но я так надеялась... — её голос становится совсем тихим, исповедальным, — что после консумации с сильным драконом твоя магия проснётся... и всё наладится... что ты будешь счастлива. Да и у нас тогда были финансовые трудности из-за истории с Седаром... Мы были на грани краха из-за всех трат, на которые нас обрекло его безрассудство...

Видеть стыд и вину в её глазах невыносимо.

— Мама, я ещё буду счастлива, — говорю я, и голос сам собой становится тихим и твёрдым, таким, чтобы она поверила. — Это не твоя вина. Ты хотела как лучше.

Мать слабо улыбается, и в её потускневших глазах вспыхивает искорка облегчения:

— Ты всегда была моей любимицей, — шепчет она, и её пальцы слабо сжимают мою руку. — В тебе всегда был особый свет... хоть и не было магии. Когда я видела тебя в прошлый раз, мне показалось, что свет погас. И я так рада... так рада видеть сейчас, что ошиблась.

Она смотрит на меня с такой любовью, что комок подстывает к горлу. И вдруг я чувствую странное, нарастающее тепло в её пальцах, которое переходит на мою руку. Оно не просто тёплое — оно живое, пульсирующее.

— В шкатулке... с розовым жемчугом... — её шёпот становится едва слышным, прерывистым, а глаза вспыхивают драконьим золотом, — лежит оберег. Когда я умру... — её тело содрогается в сильном беззвучном кашле, — возьми его... Это моя... последняя воля... Он должен быть твоим.

— Мама, ты не умрёшь, — я прижимаю её холодную руку к своей щеке. Тепло в её пальцах становится почти нестерпимым, обжигающим.

!!!!!!!!!!!!!!

Она не отвечает, только смотрит на меня с той же умиротворённой, прощающей улыбкой. Её грудь с трудом поднимается в тяжёлом протяжном вздохе, зрачки на краткий миг становятся вертикальными.

А потом...

Тепло в её руке исчезает так же внезапно, как и появилось. Взгляд, застывает, уже ничего не видит, рука безвольно тяжелеет в моей.

Тишину разрывает душераздирающий животный вопль Лир. Она стоит в дверях, и её лицо искажено гримасой невыносимой боли:

— Нет! — вырывается у неё, и она, словно ошпаренная, разворачивается и выбегает в коридор, разнося отголоски

рыданий среди безразличных каменных стен замка.

А я так и стою на коленях в тишине комнаты, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в камине. Держу безжизненную руку матери и чувствую на своей коже жгучее эхо её последнего прикосновения. Кажется, что частица её осталась на кончиках пальцев, фантомное тепло всё ещё там, словно крупитцы магии умершей драконицы могут передаваться через прикосновение умирающей.

Тяжёлые шаги в дверном проёме заставляют поднять голову. В комнату входит отец.

Его мощная фигура заполняет собой всё пространство, комната резко делается слишком маленькой, драконья мощь давит, заставляет чувствовать себя не в своей тарелке. Только вот я не Элисара, и мне всего лишь неприятно, не более.

Взгляд его, холодный и оценивающий, скользит по безжизненному лицу жены на подушке, а затем останавливается на мне.

Он не подходит, не склоняется, не произносит ни слова утешения, ни слова горести, ничего.

Вместо этого он бросает в мою сторону, точно плюёт:

— Как всегда, любимая дочь приносит с собой либо плохие новости, либо смерть.

Слова вбиваются острее любого кинжала. Сердце сжимается от боли и неверия: даже сейчас, даже в этот миг. Накапывает воспоминание о том, как однажды... однажды Элисара надеялась, что беременна, цикл не начался, а она как-

раз была у родителей и поделилась своей радостью с матерью. Та сначала обрадовалась, а потом... потом у Элисары открылось кровотечение, и ни о какой беременности никто больше не говорил.

«Это смерть своего нерождённого внука ты имеешь ввиду?» — я уже почти открываю рот. Но... сдерживаюсь, не спрашиваю: сейчас не время вступать в перепалки, тело матери ещё не остыло, и хороши же мы будем, если начнём грызться у её смертного одра.

Медленно поднимаюсь с колен, ноги дрожат, но спина прямая. Стойко встречаюсь с ледяным взглядом:

— Спасибо, отец, — голос звучит тихо, но чётко, без тени дрожи. — За то, что не смог сдержаться даже в такой момент. Хотя, это в твоём духе, чего я ещё ждала.

Он фыркает, взгляд становится ещё жёстче:

— Я надеюсь, ты ненадолго, не оставишь мужа одного в столице среди искушений и женщин. До нас, знаешь ли, доходят... тревожные слухи.

В его словах нет ни капли заботы, лишь расчёт, страх за пошатнувшуюся репутацию и выгодный союз.

Холодная ярость подступает к горлу, вытесняя горе:

— Не переживай, отец, я уеду сразу после похорон.

— Они через два дня, — отрезает он сухо, поворачиваясь к выходу, будто обсуждал расписание поставок угля, а не погребение собственной жены. — Ты можешь идти в свою комнату, там всё давно готово.

Он выходит, не оглянувшись ни на меня, ни на ту, что была его женой долгие годы. Тяжёлые шаги затихают в коридоре.

А я остаюсь одна в комнате, наполненной тишиной смерти и эхом прошлого: жестокости отца, любви матери, воспоминаний о тёплых семейных вечерах, когда я была просто маленькой девочкой и не думала о том, что во мне нет дара.

Я смотрю на бледное лицо матери.

«Прости, мама, — шепчет тень Элисары внутри меня. — Я так тебя люблю», — и я чувствую, как остатки прежней владелицы тела выходят из меня с глубоким выдохом, словно тёплое облако, что растворяется в воздухе.

Мне становится легче, чужая боль отступает: «Что ж, дорогой отец и дорогой почти бывший муж, отныне всё изменится. Я больше не принесу с собой ни плохих новостей, ни смерти. Элисара жила в нелюбви, вине и постоянном стыде за то, кто она есть, точнее, кем её сделали, — бесплодная, бесполезная, ненужная и отвергнутая. Я же так жить не буду, мне нужна свобода и в первую очередь — от вас!»

Я вытираю мокрые щёки и достаю из шкатулки с розовым жемчугом тот самый оберег — простенький кулон в виде золотой капли. Тот самый, про который мать рассказывала маленькой Элисаре семейное предание, что он однажды спасёт надежду рода. Глядя в зеркало надеваю этот кулон на тонкую золотую цепочку и прячу под платье. Последняя воля выполнена.

А потом поворачиваюсь и иду в свою комнату. Не для того, чтобы плакать. А для того, чтобы написать письмо в Валаанский отдел Вестника и отправить его Срочной Имперской почтой.

Элисара бы никогда на такое не решилась, а я...

Мне терять нечего: с мужем почти развелась, мать умерла, остальным членам семьи я ничего не должна.

Пора устраивать свою жизнь!

И я получу эту работу!

Мои дорогие!
 Если вы как и автор любите истории про сильных и несломленных духом женщин, то...

Приглашаю вас в свою самую любимую и уже законченную историю про ещё одну попаданку, и какую...

Кого мы ожидаем увидеть? Врача? Повара? Адвоката?

**Нет, зайки!
 Нас ждёт горячая история 18+** про эскортницу Кристину, попавшую в тело обесчещенной аристократки накануне свадьбы с brutальным, опасным и чертовски горячим графом!
 Наша девочка умеет танцевать не только на пилоне!

Танцы на нервах графа и всей семейки уродственников она исполняет ещё более мастерски!

И безнаказанным не останется никто!

Попаданка: из содержанки в графини

<https://litnet.com/shrt/1Hhl>

Автор предупреждает, в книге есть **ооочень жаркие сцены**, и жаркие они не от погодных условий!

Скучно не будет, обещаю!

<https://litnet.com/shrt/y56W>

тык!

Глава 5. Омрачённая радость

Мориан

Карета мягко покачивается на ухабах, откидываюсь на спинку сиденья, чувствую, как напряжена спина после разговора с постылой женой. Кассия, напротив, сияет, как новенькая монета, заранее радуясь уединённой поездке и моему вниманию. Все хотят быть к дракону поближе, такова наша природа.

— Ну, что она хотела от тебя? — не выдерживает любовница.

— Ты не поверишь, — качаю головой, потому что сам до конца не могу поверить в произошедшее. — Но Элисара превзошла все мои ожидания, потому что сама предложила развестись.

Лицо Кассии мгновенно озаряется восторгом. Она едва ли не вскрикивает от радости, вот-вот и захлопает в ладоши. Да, эта живая, пылкая женщина и приличная, ведущая себя согласно этикету жена, как лёд и пламя.

А драконы любят огонь.

— Наконец-то! — нежный голос звенит радостью. — Я всегда надеялась, что она одумается, сама вон сколько с ней говорила, но она всё «нет, не могу, люблю его»! А оказывается, не такая уж она и блаженная! На каких условиях? Что она попросила? Дом, земли после того, как станет разъеди-

нённой? — она хватает меня за руку, заглядывает в глаза.

Я усмехаюсь, все ещё ощущая привкус странного, нехарактерного для Элисары разговора:

— Это самое интересное... Она запросила сумму вдвое больше, чем я ей когда-либо предлагал. И обосновала всё с холодной расчётливостью самого жестокого дельца с Южных рынков, — усмехаюсь собственному сравнению. — Более того, даже речи о том, чтобы стать наложницей где-нибудь в отдалении, не было — за эту сумму только развод, причём с обоюдным согласием, без всяких там: нужно подождать и нечистый их знает чего ещё. Мне даже показалось, что в ней наконец-то заговорил дракон, проснулась кровь и гордость.

Кассия фыркает, и её радость мгновенно сменяется ядовитой усмешкой. Шоколадные глаза сужаются в презрительном прищуре:

— Какой дракон? — голос неожиданно резкий, колючий. — Да она скорее мышь, чем дракон, никогда в ней не было и тени драконьего духа! Уж тем более гордости.

Её реакция такая бурная, горячая, мне нравится эта ревность опасной хищницы, которая не просто констатирует факт, а яростно борется с тенью почти бывшей жены за желанного сильного самца.

— Да... Ты права, — соглашаюсь я, глядя на разгорячённое лицо. — Просто наконец-то она сбросила эту нелепую маску любящей и примерной жены. Уж не знаю, что на неё нашло, но я согласился. На днях она уедет. Надеюсь, сегодня

вечером уже не застаю её в замке.

— О, сколько возможностей это сулит... — с придыханием шепчет красotka и пересаживается ко мне поближе, интимно касаясь бедра в тесном пространстве кареты. Движения хищницы плавные и соблазнительные, мгновение, и она обвивает мою шею руками. От сильной драконицы по коже бегут мурашки.

— И когда же развод? Скоро? — её губы касаются моей щеки.

Я поворачиваю голову и ловлю её губы своими в поцелуе, жёстком, полном обещания. Мои руки скользят вниз, я без церемоний опускаю соблазнительницу на колени. Она смотрит на меня снизу вверх с обожанием и жадным нетерпением, облизывает губы.

— Пусть сначала уедет из дома, — мой голос звучит низко, пальцы ловко расстёгивают ширинку. — Посмотрим, сдержит ли пустышка слово.

Карета мягко покачивается, а я откидываюсь на мягкую спинку сиденья, закрываю глаза. Пальцы запутываются в шелковистых волосах Кассии, которая усердно трудится между моих коленей. Её горячий, умелый рот заставляет забыть обо всём: о странной перемене в жене, о нескончаемой войне, о новых тревожных сводках. Есть только это — нарастающее напряжение, сладкое и неумолимое.

Издаю глухой стон, чувствуя, как волна накатывает, и изливаюсь ей в рот, наслаждаясь, как умело любовница при-

нимает семя, так, словно это всё, что она когда-либо хотела. Несколько мгновений сердце неистово колотится о рёбра, а по телу разливается приятная тяжесть.

Кассия отстраняется, её губы блестят, а глаза сияют торжеством. Она вытирает уголки рта изящным движением, снова превращаясь в светскую даму, садится рядом. Никому бы и в голову не пришло при виде этой леди, что только что она вытворяла.

— Мне пора, моя ненасытная кошечка, — одобрительно хлопаю её по бедру. — Пока никому не говори о нас.

Она надувает припухшие после ласк губы, и я подавляю грядущую бурю:

— Скоро, очень скоро мы объявим о наших отношениях, но пока не стоит, сначала нужно развестись. Подожди немного. А пока... — достаю бархатный кошель, — купи себе что-нибудь соблазнительное, как те чулки...

— Ах, Мориан, — она ещё злится, но понимает с полуслова, как и всегда, сказал не сейчас, значит так и будет. — Умеешь ты найти ко мне подход!

Оставляю любовницу в центре торговых рядов, среди пёстрых лавок с шелками, парчой и диковинными безделушками. Она уже машет рукой продавцу, полностью поглощённая новым развлечением.

Я же продолжаю дорогу к зданию Драконьего совета. Остатки расслабленности мгновенно испаряются, сменяясь привычным холодным фокусом на главном. По пути проли-

стываю в уме сводки, которые успел прочесть за завтраком и невольно морщусь, вновь накатывает дрянное настроение: западная часть, проклятое место. Дуран отвоевал эти земли у Арраноса два поколения назад, но они до сих пор словно истекают кровью старой ненависти. И вот снова — точечные жестокие удары Чёрных драконов, они как тени пересекают границу, жгут деревни, убивают патрули и растворяются в приграничных холмистых лесах, словно их и не было.

Слишком часто и слишком нагло, это уже не просто пограничные стычки или единичные удары, а самая настоящая проверка на прочность, начало чего-то большего, начало на новом фронте.

Вхожу в прохладный, выложенный тёмным мрамором зал Совета. Всё как всегда: суровые лица, в воздухе — запах пергамента, кофе и табака, на массивных деревянных столах разложены карты, и карта Западных земель, сплошь испещрена алыми метками — местами недавних стычек. В плотном, пропитанном запахом власти воздухе витает необходимость важного решения.

— Кейнас, — кивает мне старый лорд Вейланд. — Вы видели последние донесения?

— Да, — голос звучит ровно, бесстрастно, как и должно одному из генерал-драконов. — Чёрные драконы ведут себя так, будто уже считают эти земли своими. Пора напомнить им, кто хозяин.

Сегодня мы должны принять решение, чувствую, что ча-

ша весов склоняется к тому, о чём я давно твержу — к последнему удару, к яростному, сокрушительному наступлению. Чтобы Арранос надолго запомнил, что значит смотреть в сторону Дурана. Они уже отступили со многих позиций, война в открытую почти закончилась, но расслабляться не нужно, чёрные ублюдки перешли к войне исподтишка.

Мысли о разводе, о Кассии, о странной новой Элисаре отступают. Сейчас есть только карта, враг и грядущий огонь сражения.

Лорд Вейланд тяжело опирается на посох с набалдашником в виде головы дракона. Его палец, узловатый старческий, тычет в точку на карте — центр приграничного края, город Валаан — самый крупный близ Сумеречного леса:

— Опять депеша от старосты Валаана. Жители в панике. Видели Теней в скалах над городом. Снова режут скот, грабят запасы, уводят женщин в ближних деревнях.

Генерал-дракон Тирас самый порывистый из нас, сжимает кулак. От него почти физически исходит жар нетерпения:

— Так давайте не отмахиваться! Дадим им полноценный бой! Прочешем леса и с земли, и с воздуха — пусть узнают силу наших крыльев!

— И попадёшь в засаду в тех лесных ущельях, куда они тебя и заманят, — холодно парирую я, проводя рукой над картой. — Они не воюют честно, Тирас, они охотятся. Их сила — во внезапности и жестокости. Им не нужна прямая победа и сражение, им нужен страх. Не забывай, они тоже

драконы, сильные драконы, не слабее нас, и знают эти леса как свою чешую. Сначала нам нужно разведать места, осмотреть старые укрепления, понять, откуда пролезают их отряды. Мы слишком долго воюем, скоро народ начнёт роптать, а его величество, как мы все помним, повелел на последнем заседании обойтись малыми потерями.

Вейланд мрачно кивает:

— Лорд Кейнас прав, чёрные драконы берут измором, какстая ядовитых змей. И Валаан, — он снова тычет в карту, — последняя точка, которую они кусают в надежде пробраться в глубь страны. Город — ключ к долине. Если они зажмут его в тиски, мы потеряем подвоз провизии, веру народа и боевой дух.

— Значит, нужно действовать так же, исподтишка, — говорю я, и в голосе звучит та же холодная расчётливость, которая сегодня утром удивила меня в Элисаре. Все взгляды обращаются ко мне. — Усилим гарнизон в Валаане. Но не открыто, дадим чёрным почувствовать себя в безопасности. Пусть они увязнут поближе к городу, поверят в свою победу, пока мы готовим ловушку.

В зале наступает тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов.

— Это рискованно, — наконец произносит Вейланд. — Если расчёт неверен, мы потеряем Валаан и его жителей.

— Если мы не сделаем этого, мы потеряем весь Запад, — парирую я. — Покажем им железную хватку. Я лично воз-

главлю кампанию.

Мои слова повисают в воздухе. Генералы моего ранга обычно не участвует в таких точечных операциях. Но Валаан — это ключ, я должен быть уверен, что всё пойдёт по плану.

— Староста Валаана просит защиты, — добавляю я, просматривая депешу. — Мы дадим ему всё, что нужно.

Тирас наконец соглашается:

— Хороший план. Жестокий, но хороший.

— Мы ответим достойно.

Я сворачиваю карту — решение принято.

— Никаких войск, огненных снарядов, шума. Будем невидимы, как и они. И посмотрим, чья тень окажется длиннее. Введите старосту в курс дела, пусть держит рот на замке, никто не должен ничего знать, всегда найдётся вражеский лазутчик внутри. Я приеду инкогнито.

Остаток дня мы обсуждаем возможные трудности, разрабатываем военный план.

В конце дня от напряжения гудит голова, я вваливаюсь в холл, сбрасывая пропахший вечерним холодом плащ на протянутые руки слуги. В замке царит непривычная тишина, и, кроме слуги, меня никто не встречает. А, нет — вот из тени появляется одна из служанок, та самая, что боится меня как огня, после того, как застала нас с Касси в весьма пикантной позе в кабинете. В надежде, что Элисара разгневается и уйдёт, даже не приказывал девчонке хранить молчание, но, кажется, она не из болтливых и бесполезная жена ничего не

узнала.

— Милорд, — говорит тихо, не глядя мне в глаза, — леди Элисара уехала сразу после обеда. Сказала, что едет к родителям в Серый Холм.

Я замираю на секунду.

— Что? — переспрашиваю, хотя прекрасно расслышал.

— У-уехала, милорд, в фамильный замок, взяла только личные вещи и одну служанку.

Я лишь хмыкаю в ответ, но внутри что-то неприятно сжимается. Надо же, сдержала слово, да так быстро, словно сбегала от меня.

Отдаю распоряжения дворецкому и прохожу в столовую, длинный стол накрыт для одного. «Не придётся выслушивать очередной поэтический перл дражайшей жёнушки от неземной любви и райских кушах», — сажусь и наливаю вино.

Неужели благословенная еда в тишине?

Только почему-то звон ножа о тарелку кажется оглушительным в этой самой тишине, сдобренной лишь треском поленьев в камине. А вместо радости и долгожданного чувства свободы... чувствую себя чертовски одиноко.

Что за бред? Ещё утром я буквально задыхался в обществе постылой жены, чувствовал невидимые кандалы. А теперь кажется, что не хватает её присутствия?

Я ведь даже испытал к ней какую-то дикую вспышку интереса, почти уважения, когда она торговалась со мной, как

заправский делец, вместо того, чтобы валяться в ногах как обычно.

Чёрт возьми, просто сложный день, и мне нужно развеяться перед завтрашним отъездом в Валаан. Там будет не до этого, война не оставляет места ни жёнам, ни любовницам.

Резко отодвигаю тарелку.

— Вещи собирают? — мельтешение слуг раздражает. Не это нужно усталому генерал-дракону в конце дня.

— Скоро всё будет готово.

— Хорошо, — киваю. — Мне предстоит нелёгкое путешествие, и я поеду в Валаан как обычный человек, вещи отправь скорой доставкой.

— Будет сделано, — на лице Грегора спокойствие и доброжелательность. Сколько всего преданный слуга перевидал за годы работы на мою семью. — Леди Элисара в спешке не оставила никаких распоряжений насчёт хозяйственных дел...

— Вели Берте вести всё, как обычно. Леди Элисара не вернётся.

Грегор смотрит на меня всё так же бесстрастно:

— Её вещи убрать в хранилище?

— Да, после разъединения она скажет, куда их доставить.

Грегор молча кивает и, не задав более ни одного вопроса, уходит выполнять распоряжения.

Чувствуя себя бесконечно усталым, смотрю на поленья в камине. Мысли путаются, возвращаются к странной Элиса-

ре, не дают покоя. «Как бы то ни было, я почти свободен, а на развод подам, когда разберусь с Валааном, — решаю твёрдо. — Не сейчас».

И всё же сидеть в одиночестве сегодня невыносимо. Можно позвать Касси, но почему-то претит мысль о том, что она снова заведёт разговор о нашем браке. А ещё мысль о ласках любовницы вызывает внезапное раздражение, так, словно за день она стала мне безразлична. Потому что ни её, ни её страсти не хочу.

Выхожу из замка, не сказав никому куда. Ноги сами несут меня вниз, к огням города, и я даже знаю куда — в «Алый веер» мадам Жуанны. Там будет громко, пьяно и просто, весёлые девицы, романсы вперемешку с фривольными народными песенками, друзья. Там можно забыться перед долгой военной кампанией.

«А Касси... это временно, приду в себя, и всё будет как раньше, — пытаюсь убедить себя, уже видя яркий вход в кабаре. — В конце-концов, она не дура и понимает, чего я жду от брака: свободы, лёгкости, наследников. Она знает своё место и будет смотреть сквозь пальцы на мои походы в подобные заведения, да и с такой женщиной, как она, это будет нечасто. Если бы Элисара зачала и придерживалась более открытых взглядов, хоть капельку была похожа на малышку Касси, то, возможно... мы былади».

«Дурак ты, Морриан! — смотрю на своё отражение в тёмных витражах заведения, подсвеченных магическими сфе-

рами красного цвета. — Заплатил такие бешеные отступные, чтобы думать, что мог поладить с бывшей женой?»

Злой на самого себя отмахиваюсь от навязчивой мысли вкупе с ощущением, что что-то делаю не так, толкаю дверь. Грохот музыки, смех, искрящийся свет, запах дорогого парфюма, сигар и вина накатывают волной. Я поднимаю воротник камзола, прикрывая лицо, и иду внутрь, готовый утонуть в этом шуме, надеясь, что праздничная атмосфера поможет заглушить неприятные и неуместные мысли.

— Мор, — окликает меня Гарриан, — вот уж кого давно не видел!

— Гар! — натягиваю улыбку, пока тот панибратски хлопает меня по плечу, улыбаюсь скабрёзной шуточке и присоединяюсь к весёлой компании завсегдатаев. Вечер всё же обещает стать приятным.

Проходит пара часов, дым сигар густым маревом стоит над столом, крепкое вино щиплет горло, но не ударяет в голову, хоть сегодня мне и хочется опьянеть. Полуголая певица выводит на сцене похабную уличную песенку, а мой приятель Гарриан, развалившись в кресле, выдаёт кое-что неожиданное:

— Кстати, видел твою Элисару сегодня в Имперском банке, — затягивается и пускает кольцо дыма. — Старина Лефрон так ей кланялся на прощание, будто она важная птица, а не бесправная пустышка без магии. А вела она себя... ни дать ни взять королевских кровей драконица: я стоял в двух

шагах — она глянула на меня так, словно я пустое место и мы не знакомы. Или ослепла, или я чего-то не знаю. Она у тебя с кареты не упала? Не свихнулась?

Слова режут слух острее стекла. Лефрон, всем известный своей сварливостью старший клерк и кланялся? Этот старый скряга кланяется лишь важным клиентам, богатым, знатным.

«Значит, — догадка становится уверенностью, — она обналичила именной ордер на своё имя и сняла деньги со счёта. Быстро. Слишком быстро для той, что клялась в преданности, заглядывала в глаза и писала глупые стихи о том, как любит!»

Сердце сжимается от колючей, незнакомой обиды. Выходит, врал не только я, но и мне. Лгунья тянула время, чтобы выманить с меня побольше золота, и ей это удалось.

Усмехаюсь, стараясь казаться беззаботным:

— Редко вижу жену в последнее время, Гарриан, занят. Война, знаешь ли, не ждёт, — отпиваю вина, оно горчит ещё больше. — Может, просто тебя с кем-то спутала или в очередной раз думала, чем бы удивить мужа вечером.

Приятель ухмыляется:

— Сегодня мне показалось, что она ещё как может удивить мужчину, я аж завёл...

— ...ну или ты стал так неприметен, — перебиваю я, озлобленный вниманием чужака к пока ещё моей жене, — что тебя и правда не разглядеть. Зачем ей смотреть на дру-

гих, если в сердце лишь я?

Смех тонет в шумном дымном зале, Гарриан что-то отвечает, но я уже не слушаю. Полный неприязни к приятелю, задетый тем, что кто-то обращает внимание на мою пустышку, смотрю на сцену, но вижу лишь лживые голубые глаза, полные холода и безразличия.

Значит, мы квиты, и я могу не корить себя за измены, долгие отлучки и Касси, к которой воспылал страстью в последние полгода. Никто из нас не был честен до конца, только я ещё испытывал угрызения совести.

«Я просто купился на невинность, показную застенчивость и честный, как мне казалось взгляд жены», — чувствую странный укол под ложечкой... ведь это меня обманывали, клялись в вечной любви, отвергали предложения денег, чтобы выманить побольше отступных, довести до края отчаяния и мыслей о том, как легко было бы жить, если бы она... например упала с балкона.

«Хоть в чём-то ты дракон, Элисара», — внутренне усмехаюсь я. А перед глазами так и стоят её розовые, чуть приоткрытые губы, которые я едва не поцеловал этим утром.

«Дурак! Купился!» — клянусь себя и встаю. Не прощаясь ни с кем, ухожу из атмосферы веселья, шума и кутежа в холодную столичную ночь.

Мне нужно остыть, побыть одному.

Звук шагов кажется слишком громким на притихших ночных улочках, но и он не заглушает поганных мыслей об

обмане, о том, что я оказался простачком и повёлся на уловки хитрой бестии.

«Грёбаная Элисара, какого хера я думаю о тебе сейчас?!»

У меня есть дела поважнее, например Валаанская кампания, а я словно сопливый мальчишка всё думаю и думаю о пустышке, с которой вот-вот разведусь.

Мои дорогие!

Приглашаю вас в свой роман о сильной попаданке

Разведённая лекарка. Дракону нужна! 18+

<https://litnet.com/shrt/SUS1>

Что делать, если муж не вызвал скорую и ты...

Оказалась в теле молодой, знатной и тоже преданной мужем лекарки?

Разводимся и живём новую жизнь!

А как - читаем здесь:

<https://litnet.com/shrt/KobY>

Глава 6. Предательница

Элисара

Чёрный — цвет траура и в этом мире.

Всё вокруг сливается в этой черноте: одежды, убранство базилики, скорбь и... мои чёрные тяжёлые мысли: «А похоронили ли уже моё прежнее тело? Произносил ли Миша торжественные речи? Притворялся ли скорбящим?» — смотрю на своё отражение в витражах: закрытое платье с глухим воротом, чёрные перчатки. Снова кажется, что я выделяюсь на фоне сестёр, их мужей, отца, друзей семьи.

Оно и понятно почему: я без мужа, которому даже не сообщила о постигшей меня утрате. Поглощённая мыслями о будущем и ожиданием ответа из «Валаанского вестника», вспомнила о Мориане в последний момент. Да и ни к чему это: за пару дней в Сером холме я поняла, какую кучу денег драконий муженёк отвалил за свою свободу. Спасибо, я девочка понятливая, отсвечивать не буду, наслаждайся игровой Касси.

«Мориан ещё ничего, — смотрю на тело матери укутанное в чёрный с серебром драконий бархат, — заплатил, не стал... толкать с лестницы. Какое благородство...»

В высокой холодной базилике только что отпели леди Магду — жену, драконицу, мать четверых детей. Слова о вечном полёте эхом раскатывались под сводами. Теперь те-

ло предадут очищающему огню, а прах развеют над самыми высокими горами поблизости. Дракону — драконья смерть, даже прах его должен пролететь над родными местами в последний раз.

— Как ты? — чья-то рука сжимает мою.

Это Седар, тот самый когда-то оскандалившийся брат. Единственный из всей этой ледяной семьи, кто хоть как-то проявляет ко мне родственные чувства, заговаривает, иногда улыбается мне одними глазами — такими же голубыми, как у меня. Для остальных я... пустышка.

— Держусь, — сжимаю его руку в ответ и чувствую каплю человеческого тепла в этом море чужого горя и скорби.

Мы молча возвращаемся в замок на поминальный ужин. Сегодня третий день со смерти матери. Самые главные ритуалы позади, и это значит, что завтра мне нужно будет уехать.

Но как? Я ведь жду ответ из «Валаанского вестника», но его всё нет. Начинаю подозревать, что «Скорая имперская почта» не такая уж и скорая, как мне сказали в местном отделении: «Отужинать не успеете, как они уже письмо получают». Благо в суматохе перед похоронами никому нет дела до тихой бесполезной Элисары и я беспрепятственно хожу в деревню по два раза в день в надежде, что для меня что-то пришло.

В остальном же я неприметна, выдаю себя за убитую горем дочь, почти не выхожу из своей комнаты, коротая время за чтением местных фолиантов по истории.

А вчера в ящике с безделушками, в самом дальнем углу, я обнаружила... старый, потрёпанный дневник прежней Элисары. Я так увлеклась, что забыла о времени, а ещё успела оценить её стиль — лёгкий, непринуждённый, наивный и насквозь пропитанный романтическими надеждами и обожанием. Потому что половина дневника исписана девичьими мечтами о нём, том самом прекрасном принце Мориане. О долгой и счастливой жизни.

«Знала бы ты...» — мы входим в замок, и мысли мои такие же мрачные, как эти высокие своды.

В столовой накрыт поминальный обед: дичь, особые пресные лепёшки, которые пекут по старинному рецепту именно в такие дни, чтобы почтить память умершего. Мы рассаживаемся за длинным столом. Отец возносит короткую сухую молитву за душу «усопшей жены и истинной драконицы». И я впервые за несколько дней вижу хоть какую-то тень эмоций на его бесстрастном, гордом лице — небольшую трещину горя, пробившуюся сквозь гранит.

Едим в гнетущей тишине, нарушаемой лишь звоном приборов. Потом муж Лиры, нервный лорд, кажется, Ратон, про себя я называю его «хорьком с бегающим взглядом», неуверенно вспоминает, какой доброй и хорошей женщиной была леди Магда.

И тишина прорывается: все потихоньку начинают говорить о ней, делиться какими-то обрывочными светлыми воспоминаниями. Толща горя немного истончается, пропускает

лучи света.

Я же молчу, не могу полностью разделить их скорбь.

Могу лишь скорбеть о ней самой — о женщине, жившей в неволе средневековых устоев, с холодным мужем, и умершей с чувством вины перед несчастной дочерью.

Когда все начинают расходиться по комнатам, уставшие и притихшие, отец смотрит на меня тяжёлым немигающим взглядом и останавливает:

— Останься, — его голос по-прежнему лишён теплоты, только лишь усталость и власть. — Есть разговор к тебе.

Ледяной комок страха и предчувствия сжимается в желудке, я киваю и остаюсь стоять посреди пустеющей столовой, глядя ему в затылок, пока он поворачивается ко мне спиной, как будто сам мой вид его раздражает.

«Что ты готовишь, дорогой папочка?» — чутьё подсказывает: об отцовской любви сейчас пойдёт речь.

И я оказываюсь права.

Отец медленно поворачивается ко мне. Его лицо больше не холодная непроницаемая маска. Оно искажено гримасой гнева и... чего-то ещё, похожего на страх. Старый дракон молча достаёт из внутреннего кармана сюртука смятый конверт и с силой швыряет его мне под ноги.

Бумага мягко шуршит, коснувшись каменного пола.

— Ничего не хочешь объяснить? — голос низкий, шипящий. — Что это ты удумала? Опозорить семью хочешь? Ладно, я закрыл глаза, что ты приехала без мужа, понимаю,

пятый генерал-дракон занят. Промолчал, что его нет на похоронах твоей матери! Но... работать? Ты что, свихнулась? Что он скажет?

«Письмо из Валаана! — доходит до меня. — Но как? Почему оно у него?»

— Женщины из семей, подобных нашей, не должны мारать себя работой! Да и где? В «Валаанском вестнике»?! — он распаляется всё больше. — Ты что, возомнила, что твои глупые стихи нужны на границе с Арраносом? Там война, куча чужаков, одиноких вояк! Да порядочная женщина и носа не должна казать в подобное место! Объясни, что происходит!

Я чувствую, как по спине пробегает ледяная волна чужого животного страха — отголосок чувств прежней Элисары перед своим тираном-отцом. Но я быстро глотаю этот комок, опускаю взгляд на драгоценный конверт.

И вижу: он вскрыт. Аккуратно, но вскрыт.

Какая наглость!

Ярость закипает во мне, горячая и чистая. Я медленно, с достоинством, наклоняюсь и поднимаю его:

— Да, отец, — говорю я, и голос звучит твёрдо. — Объясню с превеликим удовольствием! Если ты хочешь поговорить обо всём этом, то сейчас самое время. Мы с Морианом несчастливы и...

— Какое счастье в браке без детей?! — он перебивает меня, его взгляд жалит.

«Спасибо, что напомнил. Это же вроде как моя вина, что моя репродуктивная система не расстаралась!» — опускается внутреннее забрало.

— Благодарю, что напомнил, — бросаю я ледяным тоном. — А то я уж позабыла, что у нас их всё нет. О том выкидыше тоже, может, поговорим? Как тогда все меня поддержали, а? — с каким-то тёмным удовольствием вижу, как он слегка отшатывается от моей прямоты.

Говорить о таком открыто здесь не принято, но мне плевать! Поезд моего гнева во всю мчит к обрыву.

Старый тиран смотрит на меня вне себя от изумления внезапной дерзостью кроткой дочери и, кажется, настолько ошарашен внезапным выпадом, что не находит слов.

— Но сейчас не об этом, — пользуюсь его молчанием, — даже не о том, что ты не постеснялся вскрыть адресованное мне письмо! А о том, что мы с Морианом приняли решение пройти процедуру Разъединения. Это произойдёт в ближайшем будущем. Я собираюсь уехать куда подальше и жить своей жизнью. Отдельно от лорда Кейнас.

— Одна?! — он смотрит на меня с неподдельным изумлением, будто я заговорила на языке демонов. — Ты... — он глотает воздух, и я уже во второй раз за своё недолгое пребывание в этом мире думаю о корвалоле.

— Да. Одна, — мой тон не оставляет никаких сомнений в том, что я настроена весьма решительно.

И отец идёт ва-банк:

— А на какие деньги жить будешь? Я тебе ничего не дам!

— он почти выкрикивает это, как последний, самый веский аргумент, который должен поставить меня на место.

— Не беспокойся, — не могу сдержать едва заметной торжествующей улыбки. — Мне есть на что жить, об этом я уже позаботилась. Ну, и работать буду.

Слова повисают в воздухе, словно вызов, брошенный прямо в лицо. Он замирает, глядя на меня так, будто видит впервые. Будто сквозь знакомые черты дочери проступает кто-то совершенно чужой, опасный и неуправляемый.

Тишина в зале становится густой от напряжения.

— Ты что, оглохла? — он всё же взрывается. — Какая работа? Не позорь семью! Мало того, что вот-вот станешь разъединённой, так ещё и работать удумала! Ты...

Дверь в столовую со скрипом открывается.

На пороге стоит Седар, его лицо бледно от услышанного.

— Эли... Я нечаянно услышал конец вашего разговора... Ты что? Какое разъединение? — брат делает шаг вперёд, и я легко считываю на красивом лице чистейший неприкрытый эгоизм. — Подумай о моей карьере! У меня жена, вот-вот появится третий ребёнок! Она была бесприданницей, ты сама знаешь! Мне нужно это место, нужно заботиться о будущем семьи! Как с подмоченной репутацией, когда сестра даже не наложница, а разъединённая пятого генерал-дракона, строить карьеру?!

«Вот она — цена твоего доброго отношения ко мне!» —

во рту появляется горький привкус. Не злобы — разочарования.

— А я думала, карьеру строят упорным трудом, Седар, — говорю тихо, но каждое слово звучит ударом для двуличного. — А что до будущего семьи... Помнится, о нём ты не сильно-то заботился, когда влип в ту историю с госпожой Проньер? Отец ведь тогда отдал за тебя немалые земли и использовал всё своё влияние, чтобы замять тот скандал. Или будущее семьи — это только когда тебе это выгодно?

Седар вспыхивает, его лицо искажается злобой. Вся показная братская забота испаряется:

— Заткнись! — рычит он, теряя остатки самообладания. — Не смей вспоминать об этом! Ты... ты просто предательница! Предательница семьи! Одумайся!

Его слова падают, как камни. Но все мимо, несколько не задевая меня, они не наносят ран, лишь подтверждают всё, что и так поняла.

Медленно выпрямляюсь, смотрю на них обоих — на разгневанного побагровевшего отца и на озлобленного брата:

— Пожалуй, я одумаюсь, — ледяной, абсолютно спокойный голос не дрожит. — И прямо сейчас соберу вещи и уеду куда подальше отсюда. Спасибо за поддержку. Именно это мне и было нужно. Мне же сейчас так... легко.

Не дав им опомниться и что-то сказать, я резко разворачиваюсь и, выйдя из столовой, изо всех сил хлопаю тяжёлой скрипучей дверью. Грохот эхом разносится по всему замку.

Почти бегу по знакомым коридорам, не видя ничего перед собой. Потому что, несмотря на показное хладнокровие глаза застилают слёзы гнева.

Предательница. Так вот кем я для них стала, потому что пожелала независимости и счастья.

«Ах ну да, счастье же у нас возможно только около мужских штанишек!» — зло кипит внутри.

Войдя в свою комнату, прислоняюсь спиной к двери, глубоко дышу и успокаиваюсь: «Теперь всё кончено, сомнений не осталось. Может, и к лучшему: Элисара не особо была нужна своей семье без магии, а позволять вытирать ноги об себя я не собираюсь, так что одобрение семьи уже не важно».

А вот письмо из «Валаанского вестника», которое я так и не прочла из-за отца — важно. Дрожащими пальцами я разрываю конверт, внутри — аккуратно сложенный лист. Глаза бегут по строчкам, и внутри меня происходит самый настоящий атомный взрыв.

«Уважаемая госпожа Диташ!

Ваша заметка о путешествии в Серый холм была прочитана с большим интересом. Стилль живой, наблюдения красочны, выводы остроумны. Мы будем рады видеть Вас в нашем отделении до конца текущего месяца. Нам нужен именно такой сотрудник, как Вы.

Жильё предоставляем.

С уважением, главный редактор Валаанского Вестника Финнан Корт».

Фейерверк внутри искрит, согревает, окрыляет. Моя вторая победа в этом мире! У меня получилось!

Это признание значит для меня сейчас больше всех светских одобрений леди Кейнас, больше всех журналистских похвал, которые я когда-либо получала в прошлой жизни.

— Рита! — зову я служанку, всё ещё сжимая в руке заветный листок. Голос звучит громче и твёрже, чем обычно. — Срочно собирай мои вещи!

«Это надо отпраздновать, — я смотрю на своё отражение в зеркале, — но, наверное, не в этом доме. Всё же сегодня были похороны, хоть старый Диташ и устроил такой скандал, что всякая моя скорбь померкла перед гневом. Закажу лучшего вина на постоялом дворе!»

Вздрагиваю от шума: с силой распахивается дверь, на пороге — Лира. Её милое личико кривится, и кажется, что меня ждёт очередная семейная истерика.

— Седар сказал... — она выдыхает, — что ты и Мориан... что скоро разъединение... и что ты работать собралась... — она смотрит на меня с надеждой. — Скажи, что это неправда, что он не так понял!

— Нет, это правда, и Седар всё услышал, точнее, подслушал, как сплетница, ровно так, как оно есть.

Надежда на лице куколки из сказки сменяется таким отращением, будто я не сестра, а нечто гадкое и ползучее.

«С тобой тоже всё понятно», — горький комок подкатывает к горлу. Даже сейчас, сразу после похорон, сразу после

новостей о моём разводе, никто не думает о том, каково сестре и дочери, все они думают только о себе.

— Ты всегда была паршивой овцой! — выкрикивает она, срываясь на визг. — Ни магии, ни ума сохранить брак! Одни проблемы! А если после разъединения Лорд Кейнас отберёт Синие копи? Ты подумала о семье?

— А ты тут причём? Твой муж не военный, как Седар.

— Семья Ратона знатная, но небогатая! Кем буду я без поддержки отца, без... — она задыхается от ярости. — Да что тут объяснять! Он меня наложницей сделает, если мы обнищаем! Возьмёт кого побогаче, а я буду гнить в какой-нибудь дыре...

Во мне закипает такая ярость, что темнеет в глазах:

— А у тебя, советчица, крепкий брак, как я посмотрю, — бросаю ей в лицо, и каждое слово — отточенное лезвие. — Не тебе меня учить, милая. Не тебе на моём горе своё счастье строить. Надо было за ровню замуж выходить, а не покупать титул, чтоб на последних месяцах беременности трястись над каждой монетой!

— Сама за генерал-дракона выскочила, пустышка! — на нежной коже проступают красные пятна. — Ничем не лучше!

— Так я и развож... пройду процедуру Разъединения! Я вообще-то любила Мориана ещё сызмальства, моя дорогая, и боролась за этот брак, как только могла влюблённая дура!

Лира смотрит на меня, как на инопланетянку, потеряв дар

речи, но это длится недолго, и через пару мгновений сестра осыпает меня градом брани: «Эгоистка!», «Предательница!», «Чтоб тебе пусто было!».

Её слова — как грязные брызги, но они не долетают, как и слова Седара совсем недавно. «Успокойся, не то родишь раньше срока», — хочется сказать мне, но вместо этого набираю воздуха в лёгкие:

— Меня тошнит от тебя, Лира, — говорю тихо, но таким тоном, что она замолкает на полуслове. — Пошла вон из моей комнаты!

Я хватаю её за плечо, резко разворачиваю и, буквально вытолкнув в коридор, с силой захлопываю дверь. Дерево с грохотом бьётся о каменную раму.

Облокачиваюсь на дверь, сердце колотится как бешеное. — Чтоб ты сдохла! — кричит сестра и наконец-то уходит. Приглушённые рыдания удаляются.

Ярость медленно отступает, оставляя после себя ледяную, кристальную ясность.

Поворачиваюсь к перепуганной служанке, ставшей невольной свидетельницей семейной драмы:

— Я переночую на постоялом дворе в деревне, — объявляю я, и голос не дрожит. Открываю дорожный саквояж, чтобы сложить самое ценное: украшения, письмо, деньги, тот самый дневник. — Чтобы к утру все мои вещи были упакованы и доставлены к постоялому двору. Я уезжаю в Валаан.

— Д-да, миледи, — служанка дрожащей тенью выскаль-

зывает из комнаты.

«Тебе бы тоже корвалолола», — слышу, как она шаркает по коридору, нервно перебирая ногами.

Мои дорогие!

Приглашаю в свой роман с нотками быта и любви

Ссылная жена дракона (18+)

<https://litnet.com/shrt/YCR9>

Муж-дракон обвиняет жену в покушении?

Отправляет юную травницу в опасные земли?

Наша попаданка справится!

В конце-концов, вторая молодость бывает только раз!

Читаем, влюбляемся и летаем на драконах.

Здесь: <https://litnet.com/shrt/ECtd>

Глава 7. Опасная дорога

Элисара

Массирую виски, чтобы унять головную боль: «Три дня... три долгих дня эта тряска выбивает из меня душу».

Все эти романы про средневековые, рыцарей и прекрасных дам, разъезжающих в каретах направо и налево, приятно только читать. А по факту... Дорожный экипаж, сначала показавшийся таким комфортным, теперь напоминает клетку на колёсах, каждую кочку на этом богом забытом тракте я чувствую всеми частями тела. В карете лорда Кейнаса двухдневный переезд показался куда более приятным.

Но я не жалуясь, главное — быстрые дуранские вороны мчат, как проклятые, и завтра к обеду, если верить вознице, мы будем на месте. В Валаане.

Я откидываю тяжёлую штору и смотрю на проплывающие за окном картины. Яркая, сочная зелень густого леса, сверкающие на солнце ленты рек. Здесь, вдали от столичных каменных домов и мрачного холодного великолепия Серого холма, мир кажется другим — живым, диким и таким прекрасным, что на мгновение перехватывает дыхание.

«Если бы не эта тряска...» — и мысли возвращаются к вознице. Как он занервничал, когда я настояла на короткой дороге — Угрюмом тракте, попытался отговаривать меня, но

напрасно, к тому же я пообещала приплатить, так что старик согласился. Правда, сказал, что, мол, беспокойно там, и в случае чего пенять на себя.

Я даже вспомнила слова отца-Диташа о том, что близ Ваалаана беспокойно. Но что поделать? Длинная дорога заняла бы ещё минимум три дня, и тряска доконала бы меня куда вернее, чем любые мифические разбойники.

Экипаж дёргается, подпрыгивая на особенно крупной кочке, и я чертыхаюсь. Выглядываю из окна и вижу покосившееся от старости старое заколоченное здание с остатками вывески «Тра...р Жаре...епрь», понятно: эта дорога явно не пользуется популярностью. В глубине души позвякивает тревожный звоночек, но я игнорирую его: ничего не случится, всё будет хорошо.

Вдруг раздаётся оглушительный шум — непонятный треск, громкое испуганное ржание лошадей. Возница пронзительно вскрикивает, и экипаж со скрежетом тормозит, меня швыряет на противоположную скамью. Сердце замирает, а потом начинает колотиться где-то в горле, громко и неровно.

Снаружи доносятся громкие грубые мужские голоса, чей-то смех, хруст гравия под тяжёлыми шагами.

Дверца экипажа с силой распахивается, впуская внутрь поток свежего, пахнущего хвоей и опасностью воздуха. В проёме стоит темноволосый смуглый мужчина. Его лицо испещрено шрамами, а в глазах — наглая, хищная ухмылка.

— О, какая у нас сегодня добыча! — его голос хриплый, будто пропитанный дымом костров. — И кто это рискнул поехать по Угрюмому тракту? Какая-то городская богачка!

Я замираю, кровь стынет в жилах: «Твою ж мать, всё-таки разбойники не мифические! — мозг лихорадочно сообщает: — Золото. Можно откупиться!»

— Если вам нужны деньги, — стараюсь, чтобы голос не дрожал, и протягиваю ему бархатный кошель, туго набитый монетами. — Вот, берите. И оставьте нас в покое.

Он ловко хватает кошель, взвешивает в ладони, и его ухмылка становится шире. Мужчина не сводит с меня глаз, бросает увесистый мешочек куда-то вбок рыжеволосому подельнику, даже не заглянув в него.

— Нет, милая, — он делает шаг ко мне, запах дыма, леса и зверя становится явственнее. — Так просто не откупишься...

Его взгляд скользит по мне, медленный, оценивающий, и кожа покрывается мурашками.

Мужчина откровенно пялится на мою грудь, опускает взгляд на бёдра.

— Пожалуй, я обыщу тебя, — причмокивает он, — с пристрастием.

По спине пробегает ледяной холодок. Это уже не просто грабёж, нет, это гораздо... гораздо хуже.

Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Страх парализует, но я не кисейная барышня, я рос-

ла в девяностых в самом криминальном городе на Алтае, и меня таким не возмёшь.

«Я вывернусь, — вспыхивает искра отчаянной дерзости. — Пойду ва-банк!»

— Может, не стоит? — говорю я, и голос звучит спокойно, даже насмешливо, так, как будто этому охламону кое-что обо мне неизвестно.

— Что-что? — он склоняет голову чуть на бок.

Я смотрю ему прямо в глаза, хотя внутри холодно от страха:

— Ты не знаешь, кто я. И тебе может не понравиться то, что будет потом.

Наглая ухмылка немного сползает, бандит прищуривается, изучая моё лицо с новым, подозрительным интересом:

— На что это ты намекаешь, пташка? — его голос становится тише, опаснее. — Меня хитростью не возмёшь. Отряд за вами не идёт: у нас везде дозорные и одиноких дураков, идущих по этому тракту, мы видим за версту.

— Да? — я встаю и выхожу из кареты, делаю пару шагов вперёд, наступаю на него, притворяясь сильной, хотя каждая клеточка тела кричит, чтобы я отступила. — А драконов?

Воцаряется тишина, нарушаемая лишь щебетом лесных птиц да ржанием лошадей.

А потом...

Налётчик раздражается грубым громким хохотом:

— Что? Ты — дракон? — он оглядывается на своих по-

дельников. — Эй, гляньте на эту фифу! Она считает себя драконом!

Его хватка на моём запястье становится железной, и он с силой притягивает меня к себе. Я спотыкаюсь, но он держит крепко, не давая мне упасть.

Запах зверя и костра становится отчётливее, разбойник слишком близко, и внутри всё дрожит от напряжения. Свободной рукой он грубо ощупывает мой бок, скользит вниз по бедру. От его прикосновений тошно.

— Ну и где же твоя драконица, милашка? — он дышит мне в лицо винным духом, его глаза блестят жёстким весельем. — Покажись!

Отчаянно пытаюсь вырваться, но хватка лишь усиливается. И тут я чувствую это... Какую-то вибрацию, исходящую от кулона матери, что висит под глухим воротом чёрного платья. И то самое странное пульсирующее тепло на кончиках пальцев, которое я почувствовала, когда она умирала.

«Магия, — подсказывает внутреннее чувство, — слабая, едва живая, но моя».

Это может помочь пустить пыль в глаза, человек должен купиться.

«Хоть бы сработало», — лихорадочно молюсь про себя, вспоминая детские уроки, которые почти всегда были не под силу. Кое-что иногда получалось, может, и теперь смогу.

«Сконцентрироваться, почувствовать магию слева под грудью, пустить волной потоки и собрать на кончиках паль-

цев», — закрываю глаза на секунду, отсекая всё: страх, отвлечение, смешки вокруг. Внутри меня есть только эта крошечная, тёплая искра. Я призываю её, вкладываю в неё всю свою ярость, всё отчаяние, всю волю к жизни.

И вдруг ощущаю лёгкое покалывание там, где и должно.

Открываю глаза и едва не кричу от радости и удивления: на кончиках моих пальцев танцуют крошечные ярко-золотые искры. Да, слабые, да, непостоянные, как первые звёзды на вечернем небе, но они есть!

Главарь банды резко отшатывается, отпуская моё запястье. Его глаза расширяются от изумления, а потом в них загорается не испуг, а дикий, жадный интерес:

— Ну надо же! — он присвистывает. — И правда, магия есть, странно, что мой дракон сначала тебя не почувствовал!

Я замираю... От волнения искорок становится больше, они вспыхивают ярким светлым пламенем, обжигая меня.

«Его дракон... Но как?»

Он оборачивается к своим людям, и в этот миг его силуэт на мгновение кажется мне не просто очертаниями мужчины. Тень за его спиной сгущается, вытягивается, обретая смутно знакомые формы ящера с мощными крыльями и длинной шеей.

И мне кажется, что цвет этого дракона... чёрный.

— Это наш лучший трофей, несите магические цепи, — он отдаёт приказы быстро и деловито.

«Неужели это враги из Арраноса? Твою мать...» — вспоминаю газетные статьи о чёрных драконах и злюсь на самую себя за глупость поехать короткой дорогой.

Враг снова поворачивается ко мне, и его ухмылка теперь полна нового, хищного любопытства:

— Интересная ты добыча, пташка. Мы возьмём тебя с собой. Если мои догадки верны, то в штабе будут довольны: такой, как ты, найдётся применение.

Сердце колотится где-то в горле, бешено, громко, заглушая все остальные звуки. Я отступаю, магия на кончиках пальцев искрит совсем слабо, и я не знаю, что с ней делать.

Рука мужчины — уже не совсем рука, а нечто твёрдое, покрытое проступающей сквозь кожу тёмной чешуей, и сжимает моё запястье с такой силой, что будто обжигает. Он снова притягивает меня, и я чувствую его долгий шипящий вдох у своего виска.

— Да-да, теперь я чую, — его голос шипит прямо у меня в голове, низкий, с глухим змеиным призвуком. — Слабая поздняя искра... но скоро разгорится. Мы, чёрные драконы, знаем толк в таких делах. Из тебя выйдет отличная... — и он чертыхается, потому что я пытаюсь вырваться, бьюсь в его железной хватке.

И вдруг нас накрывает тень. Огромная, холодная, перекрывающая солнце. Воздух резко сгущается, пахнет грозой, раскалённым металлом и чем-то бесконечно древним. Я произвольно вскидываю голову и замираю.

Над поляной, почти касаясь вершин сосен, парит... тёмно-синий дракон!

Я замираю и жадно разглядываю его: чешуя прекрасного создания отливает сталью и глубоким кобальтом — он огромен, могуч и пугающе прекрасен.

Бандит резко отпускает моё запястье, отшатываясь с низким угрожающим рыком. Его собственная форма дрожит, окончательно прорывается наружу — когти, кожистые крылья, дымящаяся пасть.

Синий дракон не издаёт ни звука. Он просто вдыхает, и его грудь расширяется, как кузнечные мехи. А затем выдыхает.

Я вскрикиваю от неожиданности: это не огонь, а какой-то поток сконцентрированного сине-белого жара, испепеляющего всё на своём пути. Воздух трещит, сосны на краю поляны вспыхивают и обращаются в чёрные, дымящиеся скелеты за секунду. Земля под ногами бандитов чернеет и спекается в стеклянистую корку.

Половина налётчиков застывает на месте, парализованная ужасом. Другие с визгом бросаются врассыпную, но волна жара настигает их, обращая в пепел.

Чёрный дракон, рыча взмывает в небо, атакует синего снизу, выплёвывая струю едкого чёрного дыма, но синий дракон ловко уворачивается, и ядовитое облако рассеивается дымкой.

Я не могу оторвать глаз от зрелища, одновременно ужа-

сающего и завоораживающего, от самой настоящей яростной битвы драконов.

Чёрный дракон быстр и непредсказуем, он ловко пикирует, пытается вцепиться когтями в шею противника, извергает чёрное пламя. Но синий — сильнее, опытнее, его движения точны и смертоносны. Он не тратит силы зря, делает обманное движение в сторону и ловит чёрного дракона в воздухе, вцепляется когтистыми лапами в спину врага. Раздаётся ужасающий хруст костей и шипящий звук рвущейся чешуи.

Синий дракон с невероятной силой швыряет чёрного с перебитыми крыльями спиной на землю. Кажется, что на меня несётся метеорит, не меньше.

Чёрная туша с оглушительным грохотом бьётся о камень, а синий дракон не даёт ни мгновения противнику и тут же обрушивается на него сверху всем своим весом.

Опасная пасть смыкается на шее чёрного дракона, раздаётся жуткий хруст.

Тишина, наступившая после, оглушает.

Время замедляется.

Пахнет горелым деревом, пеплом и кровью.

Я стою, не в силах пошевелиться, всё ещё прижатая к колесу экипажа.

Синий дракон медленно поднимает голову. Его золотые глаза с вертикальными зрачками пылают, как звёзды. Кровь стынет в жилах — он смотрит прямо на меня. Ящер делает шаг в мою сторону, его окровавленная пасть приоткрывает-

ся, из неё валит лёгкий дымок. Он — воплощение первобытной мощи и ужаса.

Я вздрагиваю, а он... он начинает меняться.

Его форма светится, сжимается, чешуя тает, уступая место коже, крылья втягиваются. Через несколько мгновений передо мной стоит не дракон, а мужчина. Высокий, могуче сложенный, с тёмными волосами и тёмными глазами, в которых всё ещё мерцают отсветы драконьего пламени. Его одежда порвана в клочья, обнажая потрясающее тело атлета, покрытое свежими ранами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.